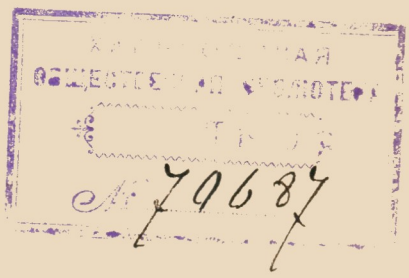
Проф. К. Сумцовъ.

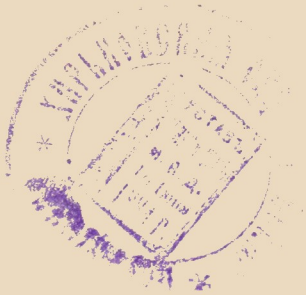
ЧЕЛОВѢКЪ ЗОЛОТОГО СЕРДЦА.

(Профессоръ Егоръ Кузьмичъ Рѣдинъ).

1110384



ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Печатное Дѣло“, Клочковская ул., д. № 5.
1909.



Человѣкъ золотого сердца.

(Профессоръ Егоръ Кузьмичъ Рѣдинъ).

---

27 апрѣля 1908 г. неумолимая смерть унесла выдающагося профессора Харьковскаго университета, человѣка глубокихъ познаній и золотого гуманнаго сердца--Егора Кузьмича Рѣдина, скончавшагося на 45-мъ году своей трудовой и многополезной жизни, въ полномъ расцвѣтѣ физическихъ и умственныхъ силъ послѣ длиннаго ряда превосходно исполненныхъ научныхъ работъ и благородныхъ подвиговъ общественнаго служенія, въ то время, когда онъ готовился къ новымъ еще болѣе крупнымъ научнымъ трудамъ и къ новымъ еще болѣе плодотворнымъ общественнымъ дѣяніямъ.

Въ лицѣ Рѣдина погибла большая умственная и нравственная сила, отличный ученый, превосходный преподаватель, глубоко честный и отзывчивый общественный дѣятель, умеръ человѣкъ кристально чистой души.

Есть люди, о которыхъ нельзя сказать добраго слова; но, къ счастью, есть и такіе, о которыхъ, послѣ многолѣтняго близкаго знакомства, нельзя сказать дурного слова, всякая оцѣнка которыхъ переходитъ въ панегирикъ, въ прославленіе ихъ памяти и въ оплакиваніе ихъ потери. Такимъ человѣкомъ былъ проф. Рѣдинъ,—человѣкомъ знанія, любви и добра.

Рѣдинъ—сынъ неграмотнаго крестьянина Курской губ. Отецъ его, пережившій сына на полъ года, былъ человѣкъ умный. Мать Е. К., рано умершая, была женщина простая, добрая, по природѣ умная. Покойный хранилъ о ней благодарное воспоминаніе. Въ рождественскомъ № Биржев. Вѣдом. 1889 онъ въ формѣ «отрывка изъ дневника» писалъ: «Мама, дорогая мама! Я не могу забыть тебя. Твой дорогой образъ встаетъ передо мной... Ты любила насъ больше себя», и далѣе вкладываетъ въ уста матери такой совѣтъ: «учись; вотъ я не ученая и очень

жалѣю; гдѣ бы могла помочь, объяснить что, да не могу, сама не знаю, вижу несчастье горе другихъ—рада помочь, да безсильна... Учись; ученіе дастъ тебѣ силу и средства поработать для тѣхъ несчастныхъ людей, которые живутъ въ необразованности, грязи, бѣдности. А такихъ бѣдныхъ много... много у насъ здѣсь въ городѣ, и особенно тамъ въ деревнѣ, откуда я пришла»...

И мальчикъ, помня эти святые завѣты матери, учился со страстью, впитывая вмѣстѣ съ ученіемъ чувства состраданія и любви къ тѣмъ, что живутъ въ необразованности, грязи и бѣдности.

Среднюю школу Е. К. прошелъ въ Тифлисѣ, во 2 мужской гимназіи. Преданный ему школьный другъ Л. М. Шахъ-Пароніанцъ, посвятившій ему сборникъ стихотвореній, говоритъ, что уже на школьной скамьѣ Е. К. обнаружилъ любовь къ знанію и сердце, чуткое къ дружбѣ, что вскорѣ по окончаніи гимназіи его повлекло въ невѣдомыя дали познанія истины великой и святой, и онъ, устроившись въ Новороссійскомъ университетѣ, сталъ искать въ наукѣ ключъ къ тайнамъ природы и искусства.

Въ Новороссійскомъ университетѣ Е. К. Рѣдинъ вступилъ въ тѣсную пожизненную дружбу съ Дм. Влас. Айналовымъ. Дружба эта скрѣплена была впослѣдствіи общими научными работами въ Россіи и заграницей по исторіи искусства. Въ некрологѣ покойнаго проф. Айналовъ говоритъ, что Е. К. въ университетѣ уже проявилъ живые литературные и художественные интересы, всегда ходилъ, не разставаясь, съ томами стиховъ и прозы, пристрастный къ лекціямъ по исторіи искусства и литературы, особенно усердно посѣщалъ лекціи Н. П. Кондакова и А. И. Кирпичникова, и съ перваго же года какъ бы спеціализировался по исторіи искусства. Неуклонной своей цѣлью онъ поставилъ изученіе древняго русскаго и византійскаго искусства на почвѣ объективной европейской науки. Уже на университетской скамьѣ это направленіе обнаружилось въ томъ, что онъ взялъ тему на медаль о Кіево-Софійскомъ соборѣ, его мозаикахъ и фрескахъ. Въ этой первой крупной работѣ онъ шелъ рука объ руку съ Айналовымъ и пользовался указаніями и совѣтами проф. Кондакова. За «Кіево-Софійскимъ Соборомъ» послѣдовала магистерская диссертація о мозаикахъ Равенны, затѣмъ множество небольшихъ спеціальныхъ статей объ отдѣльныхъ памятникахъ византійскаго и западнаго искусства. Двухлѣтнее заграничное путешествіе по Италіи, Германіи, Англіи и Франціи, самостоятельныя работы въ музеяхъ и библіотекахъ Парижа, Лондона, Флоренціи, научныя экскурсіи на Аѳонъ и въ Константинополь, изученіе на мѣстѣ христіанскихъ древ-

ностей Крыма—все это въ совокупности содѣйствовало выработкѣ въ лицѣ Е. К. Рѣдина глубокаго знатока исторіи искусства и человѣка съ общимъ широкимъ гуманитарнымъ образованіемъ.

Изученіе византійскаго и западнаго искусства не поглотило всецѣло вниманія покойнаго и не помѣшало ему приложить свои труды къ изученію мѣстнаго харьковскаго края и университета. Онъ далъ цѣлый рядъ изслѣдованій о мѣстныхъ церковно-археологическихъ древностяхъ, о мѣстныхъ ученыхъ дѣятеляхъ по различнымъ спеціальностямъ, принялъ на себя колоссальный трудъ по организаціи XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, составилъ огромные по размѣрамъ каталоги его многочисленныхъ выставокъ.

Необыкновенное трудолюбіе, глубина и фундаментальность изученія, большая научная добросовѣстность присущи были всѣмъ трудамъ покойнаго. Съ особенной яркостью эти черты выразились въ огромномъ изслѣдованіи по исторіи византійскаго и русскаго искусства въ диссертаціи о «Христіанской топографіи Козьмы Индикоплова». Сочиненіе Козьмы было однимъ изъ главныхъ источниковъ средневѣковаго западнаго и болѣе поздняго русскаго міросозерцанія. Сочиненіе Козьмы богато иллюстрировано рисунками, изученію которыхъ Е. К. Рѣдинъ и посвятилъ свой обширный трудъ, остановившійся, за смертью автора, на 9-мъ печатномъ листѣ. Е. К. Рѣдинъ собралъ и изучилъ рукописи Козьмы, опредѣлилъ отклоненія русскихъ списковъ отъ греческихъ оригиналовъ. Изслѣдованіе снабжено большимъ количествомъ рисунковъ. Редактированіе его, послѣ смерти Е. К., принялъ на себя проф. Айналовъ.

Присущая Е. К. глубокая научная добросовѣстность ярко проявлялась и въ самыхъ непоказныхъ его трудахъ, напр. въ составленномъ имъ, почти неизвѣстномъ каталогѣ отдѣленія Матушинскаго универс. фундамент. библіотеки. Тѣмъ въ особенности и замѣчателенъ профес. Рѣдинъ, что онъ смѣло брался за самую черную и непоказную научную работу и исполнялъ ее такъ, какъ будто ему дано было въ руки славное и преславное дѣло, съ полнотою возможнаго усердія. Богатый харьковскій помѣщикъ, любитель и знатокъ искусства, авторъ превосходной статьи о Торвальдсенѣ Матушинскій оставилъ харьковскому университету, по завѣщанію, богатую спеціальную библіотеку по исторіи искусства, около 2000 названій. Е. К. взялъ на себя трудъ составить ей каталогъ. Вышла довольно крупная книжка въ 105 стр.; но этого мало. Е. К. снабдилъ ее біографическимъ очеркомъ Матушинскаго, портретомъ его и цѣлымъ рядомъ весьма цѣнныхъ и полезныхъ справочныхъ указателей, по эпохамъ, по художественнымъ школамъ, по именамъ художниковъ,

по именамъ мѣстностей и по иконографіи. Такимъ путемъ онъ въ высшей степени облегчилъ пользованіе книгохранилищемъ.

Рѣдину принадлежитъ около сотни статей и замѣтокъ разнообразнаго научнаго и общественнаго содержанія. Въ подробномъ перечнѣ въ біографическомъ словарѣ Харьковскаго университета они разбиты самимъ авторомъ на такіе отдѣлы: 1) по исторіи древне-христіанскаго и византійскаго искусства и археологіи 20 изслѣдованій, 2) по исторіи древне-русскаго искусства и археологіи—16 изслѣдованій, 3) по исторіи мѣстнаго края, университета и на разныя мѣстныя темы—18 статей, 4) некрологи и біографическіе очерки—15 и 5) критическія статьи и рецензіи—21, не считая многочисленныхъ маленькихъ библіографическихъ замѣтокъ въ «Визант. Времен.», и др. спеціальныхъ изданіяхъ.

Что касается первыхъ двухъ отдѣловъ, то, не считая главнаго капитальнаго печатнаго труда покойнаго о Козьмѣ Индикопловѣ, наиболѣе крупными печатными его изслѣдованіями представляются по исторіи западнаго искусства о мозаикахъ Равенны, а по исторіи русскаго искусства изслѣдованія о Кіево-Софійскомъ соборѣ, о церквахъ харьковской епархіи, объ ихъ синодикахъ, подробные обзоры ученыхъ трудовъ по исторіи искусства Буслаева, Кирпичникова и Кондакова, статьи о харьковскомъ университетскомъ музеѣ, о Харьковѣ, какъ центрѣ художественнаго образованія, о Бецкомъ, Алферовѣ и Матушинскомъ, какъ главныхъ жертвователяхъ.

Для оцѣнки личности Е. К. Р., какъ ученаго, въ тотъ періодъ, когда она главнымъ образомъ сказалась, когда онъ писалъ свою магистерскую диссертацію, могутъ служить съ одной стороны сама диссертація—трудъ солидный и по объему (230 стр,) и по внутреннему содержанію, съ другой сохранившаяся въ рукописи его небольшая вступительная рѣчь передъ диспутомъ и съ третьей—та глава въ его письмахъ къ друзьямъ изъ Италіи, которая посвящена описанію Равенны. Для характеристики покойнаго наиболѣе интересна послѣдняя. Въ ней раскрывается процессъ работы, личное настроеніе, любовь къ наукѣ и искусству. «Наконецъ, я въ Равеннѣ, говоритъ проф. Рѣдинъ въ своемъ дневникѣ, песчаный, безводный городишка! малонаселенный, бѣдный, какъ зданіями, такъ и просторомъ, зеленью... Но Равенна богата другимъ—памятниками древнехристіанскаго и византійскаго искусства, и въ какомъ количествѣ! какого достоинства! Сегодня же былъ въ православной крещальнѣ и началъ изучать ея чудныя мозаики». Далѣе идетъ описаніе усыпальницы Галлы Плацидіи. «Небольшія окна пропускаютъ немного свѣта, но достаточно, чтобы видѣть мозаики, насладиться ихъ красотой.

Меланхолическій покой, торжественная тишина царятъ въ этомъ уголкѣ, мѣстѣ успокоенія замѣчательной женщины, императрицы Галлы Плацидіи». Далѣе идутъ такія же живыя описанія аріанской крещальни, церкви Аполлинарія Новаго, церкви св. Виталія, экзархатскаго дворца и его капеллы Петра Хризолара, церкви Аполлинарія во Флотѣ, джіоттовскихъ фресокъ въ церкви св. Іоанна Евангелиста, равеннскаго музея древностей, академіи художествъ, легкіе наброски, большая часть которыхъ детально разработана въ диссертаціи о мозаикахъ равенскихъ церквей. Хронологическія даты указываютъ на 2 мѣсяца пребыванія въ Равеннѣ, май и іюнь. «Историческія воспоминанія проносились предо мной, и я уносился туда на Востокъ, въ древнюю Византію, откуда въ древніе вѣка исходили культура и просвѣщеніе. Я представляю мысленно, какой богатою была тогда Равенна. Предо мною возстаютъ дворцы, базилики»... Такъ горячо относился молодой ученый къ предмету своего изученія.

Нужно, однако, сказать нѣсколько пояснитѐльныхъ словъ о мозаикахъ вообще, равеннскихъ въ особенности. какъ предмета изученія ихъ проф. Рѣдинымъ.

Мозаика, итал. musaika, древн. рус. мусія въ буквальномъ значеніи обиталище музъ, въ обиходномъ картины, стѣны, полы изъ подобранныхъ разнообразныхъ кусочковъ камня или стекла, скрѣпленныхъ мастикою или цементомъ.

Въ «Рѣчи», сказанной передъ диспутомъ, проф. Рѣдинъ такимъ образомъ мотивировалъ свой трудъ по изученію равенскихъ мозаикъ.

Въ исторіи христіанскаго искусства одному изъ видовъ живописи — мозаикѣ принадлежитъ главное мѣсто какъ по значенію своему, такъ и по богатству памятниковъ.

Мозаика для христіанскаго искусства — то-же, что памятники скульптуры для античнаго искусства. Мозаики, правда, были въ употребленіи и въ античномъ искусствѣ; но тамъ онѣ не имѣли большого распространенія и значенія; онѣ служили исключительно лишь декоративнымъ цѣлямъ, украшая главнымъ образомъ полы зданій и лишь иногда стѣны.

Весьма малое употребленіе нашла мозаика и въ древне-христіанскомъ искусствѣ, что, впрочемъ, весьма понятно; темнымъ, тѣснымъ подземнымъ усыпальницамъ не соотвѣтствовалъ этотъ родъ пышной, богатой декораціи: мозаика въ нихъ теряетъ значительную часть своихъ достоинствъ, т. к. она для проявленія своихъ эффектовъ требующихъ простора, свѣта. До насъ дошло весьма малое количество древне-христіанскихъ мозаикъ и дошедшее относится больше къ эпохѣ послѣ Константина Великаго.

Сюжеты катакомбной мозаики не отличаются большимъ разнообразіемъ; это большей частью монограммы Христа, крестовъ, надписи, различные символы, изрѣдка изображенія человѣческихъ фигуръ.

Съ эпохи Константина Великаго, когда и на Востокѣ и на Западѣ строятся многочисленныя церкви, базилики, мозаики начинаютъ играть роль одного изъ главныхъ, пышныхъ, блестящихъ украшеній ихъ.

Художники, украшая церкви и другія зданія христіанскаго культа мозаиками, должны были сообразоваться въ выборѣ сюжетовъ для этихъ мозаикъ съ назначеніемъ самихъ мѣстъ, которымъ онѣ служили декораціей, и съ толкованіями различныхъ частей ихъ, вырабатывавшимися въ ученіяхъ отцовъ и учителей церкви; должны были создавать новыя композиціи соотвѣтственно росту христіанской иконографіи.

Въ мозаикѣ движеніе, развитіе искусства находитъ свое завершеніе; въ ней установленіе манеры и иконографическихъ типовъ, въ ней лучшее отраженіе различныхъ вліяній: священнаго писанія, апокрифовъ; въ ней отраженіе культурнаго развитія народа, его благосостоянія, его связей съ другими культурными народами.

Для исторіи христіанскаго искусства древне-византійскаго періода, т. е. V—VI столѣтій, времени образованія художественнаго стиля и выработки иконографическихъ типовъ—мозаики имѣютъ особенно большое значеніе. Указавъ, что мозаики Востока мало извѣстны, проф. Рѣдинъ продолжаетъ:

Въ болѣе счастливомъ положеніи находятся византійскія мозаики на почвѣ Италіи, какъ напр. мозаики Рима, Неаполя, Милана и др. Онѣ болѣе извѣстны, и болѣе изучены, нѣкоторыя, какъ напр. римскія изданы замѣчательнымъ образомъ въ краскахъ съ текстомъ—основателя христіанской археологіи—покойнаго Дж. Бат. де Росси.

Среди этихъ мозаикъ на почвѣ Италіи одно изъ главныхъ мѣстъ по числу и сохранности занимаютъ мозаики Равенны.

Богатая и знаменитая нѣкогда Равенна—то столица Западной Римской Имперіи, то центръ равеннскаго экзархата, въ настоящее время представляетъ собою небольшой бѣдный городокъ съ небольшими зданіями и узкими улицами. Какъ гуляя по древнимъ мостовымъ Помпеи, нельзя предугадать того богатства прошлой жизни жителей этого города, которое заключается въ открываемыхъ и открытыхъ зданіяхъ, что стоятъ по сторонамъ ихъ, такъ, блуждая по невзрачнымъ улицамъ Равенны, смотря на непривлекающія ничѣмъ поразительнымъ снаружи базилики, церкви, усыпальницы ея, не ожидаешь встрѣтить въ нихъ того, что въ дѣйствительности въ нихъ заключается.

Входя въ эти зданія, присмотрѣвшись къ внутреннему убранству ихъ, поражаешься этой вѣчной живописью—мозаикой, пережившей столько вѣковъ и все еще блещущей своими красотами—простымъ, но изящнымъ орнаментомъ, величественными образами, художественно религіозными композиціями, вводящими насъ въ сферу духовныхъ интересовъ народа, создавшаго ихъ и знакомящими насъ съ культурой его.

Мозаики въ равеннскихъ зданіяхъ представляютъ собою богатѣйшія росписи, въ такихъ памятникахъ, какъ православная крещальня, усыпальница Галлы Плацидіи не какой-нибудь жалкій обрывокъ росписи, орнаментаціи, а всѣ онѣ цѣликомъ—совершенно почти такія, какія были 14 вѣковъ тому назадъ. Въ этомъ отношеніи нѣтъ памятниковъ, равныхъ равеннскимъ отъ этого времени даже въ самой Византіи. Мозаики равеннскія въ указанныхъ православной крещальнѣ, усыпальницѣ Галлы Плацидіи, а равно въ крещальнѣ оріанской, въ базиликахъ св. Аполлинарія новаго, св. Аполлинарія во флотѣ, св. Виталія, св. Михаила въ Афричиско—по богатству матеріала, представляемаго ими для начальной исторіи византійскаго искусства, для христіанской иконографіи, для знакомства съ бытомъ Византіи—являются—можно сказать—почти исключительными памятниками.

Не останавливаясь на литературѣ, посвященной равеннскимъ мозаикамъ (она приведено во введеніи книги), Е. К. въ отношеніи существеннаго вопроса — о самомъ происхожденіи ихъ—дѣлитъ литературу на двѣ группы; къ одной группѣ относятся тѣ труды, въ которыхъ равеннскія мозаики считаются произведеніями римской и даже спеціально равеннской школы; къ другой тѣ, въ которыхъ онѣ признаются произведеніями византійскаго искусства.

Въ своей книгѣ проф. Рѣдинъ пришелъ къ тѣмъ выводамъ, что равен. мозаики можно отнести къ памятникамъ византійскаго искусства на почвѣ Италіи, лишь съ долей вліянія на нихъ западныхъ образцовъ.

Характерными чертами мозаикъ, какъ всего византійскаго искусства, служатъ: аскетизмъ, духовное и торжественное выраженіе, догматизмъ, идеальный составъ композицій, особые пріемы техники декоративной въ церковной росписи: золотые и синіе фоны, строгая, роскошная орнаментація.

Равеннскія мозаики, по словамъ Рѣдина, представляютъ богатый матеріалъ для различныхъ штудій.

Изъ «Рѣчи» Е. К. Рѣдина видно, что его работа вызвана стремленіемъ внести въ русскую науку новую страницу относительно изученія важнаго отдѣла стариннаго искусства. Авторъ внимательно—лично и съ помощью множества западныхъ спеціальныхъ монографій—изучилъ мозаики

равеннскихъ церквей — V — VII вѣковъ, указалъ новыя точки зрѣнія, привлекъ новые матеріалы. Вполнѣ естественно, что его цѣнный трудъ обратилъ на себя вниманіе и вызвалъ живое одобреніе не только въ русской научной литературѣ, для которой онъ былъ новинкой, но и въ литературѣ западной, между прочимъ, въ богатой литературѣ нѣмецкой.

Проф. Айналовъ въ большой рецензіи, напеч. въ журн. М. Н. Пр., привѣтствовалъ диссертацію Рѣдина, какъ цѣнный трудъ по выясненію нѣкоторыхъ сторонъ византійскаго искусства, какъ «вкладъ въ науку». Глубокій знатокъ средневѣкового искусства германскій ученый Доббертъ въ Repertorium für Kunst. Wissenschaft. 1898 г. далъ еще болѣе обширный и болѣе лестный отзывъ, назвавъ Рѣдина—«Wohlverdiente russische Gelehrte» — заслуженнымъ русскимъ ученымъ, а его трудъ о равеннскихъ мозаикахъ—«vortreffliche Werk» — превосходнымъ трудомъ. Въ особенную заслугу Рѣдина Доббертъ ставитъ «тщательное сравнительное изученіе равеннскихъ мазаикъ съ другими художественными произведеніями безспорнаго византійскаго происхожденія и установленіе между ними иконографической и стилистической связи».

Небольшой, но весьма похвальный отзывъ былъ помѣщенъ въ Zeitschr. für christl Kunst (1897 № 3). Между прочимъ тутъ сказано: «Большой похвалы заслуживаютъ обширныя объясненія Рѣдина, построенныя на широкомъ знакомствѣ съ италіанской, французской и нѣмецкой научной литературой. Въ основательности работы виденъ ученикъ Кондакова».

Въ 3 № «Deutsche Literaturzeitung» 1898 г. извѣстный знатокъ исторіи искусства Стржиговскій отмѣтилъ, что Рѣдинъ съ любовью вошелъ въ глубь изученія предмета и высказалъ вѣсскія замѣчанія по нѣкоторымъ спорнымъ вопросамъ равеннскаго искусства.

Въ маленькой библіографической замѣткѣ въ италіанскомъ журналѣ «Notizie bibliografiche», послѣ одобренія книги Рѣдина, высказано сожалѣніе, что она напечатана не на французскомъ или др. языкѣ, болѣе доступномъ, чѣмъ языкъ русскій, западнымъ ученымъ.

Эти отзывы сгруппированы тутъ нами съ цѣлью показать, что съ первыхъ своихъ шаговъ Е. К. былъ оцѣненъ по достоинству, какъ выдающаяся научная сила, и сопричисленъ къ выдающимся спеціалистамъ западной науки по изученію византійскаго искусства и его отраженій въ Италіи.

Понятно, что такой солидный ученый, какъ Рѣдинъ, былъ красой Харьковскаго университета. Понятно, что его участіе въ дѣлѣ изученія мѣстной старины оказалось въ высокой степени драгоцѣннымъ.

«Церковныя древности одинъ изъ главныхъ показателей культуры народа, писалъ Е. К. въ 1902 г.. его духовныхъ интересовъ, высоты состоянія его искусства, художественной индустріи. Какъ ни незначительно бываетъ его матеріальное благосостояніе, въ извѣстное время, при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, все же для церкви, для украшенія ея имъ привлекается все лучшее, созданное мѣстными художественными силами или силами другихъ культурныхъ центровъ, стоящихъ въ лучшихъ условіяхъ. Русскіе религіозные памятники, иконопись, миніатюры, созданіе народнаго искусства, воспринявшаго различныя вліянія». Обращаясь къ Украинѣ, въ частности къ Харьковской губерніи. Рѣдинъ говоритъ: «какъ ни поздно выступила эта область въ историческую жизнь, какъ ни тяжелы были обстоятельства, все же она не лишена памятниковъ церковной культуры. Какъ только устанавливалось прочно населеніе, воздвигался деревянный или каменный храмъ, украшался иконами, утварью, книгами. Отъ XVII в. имѣется рядъ памятниковъ живописи, скульптуры, рѣзьбы по дереву, гравированія. Памятники эти показатели нашей родной старины, культурныхъ интересовъ предковъ; изученіе ихъ прямой нашъ долгъ». Что же нужно сдѣлать? Очень много—отвѣчаетъ Рѣдинъ, и далѣе поясняетъ, что нужно осмотрѣть храмы, иконостасы, ризницы, собрать церковныя вещи при университетскомъ музеѣ, описать ихъ, сфотографировать, вызвать сочувствіе и поддержку въ духовенствѣ и свѣтскомъ обществѣ.

На этотъ кличъ немногіе отозвались; но Е. К. Рѣдинъ, человѣкъ очень настойчивый и идейный, не упалъ духомъ. Смѣло и самоотверженно онъ взялъ на себя то, чего не могли или не хотѣли сдѣлать другіе, объѣзжалъ и описывалъ храмы, группировалъ предметы для выставки, снималъ фотографіи.

Литературно-научное его творчество шло рука объ руку съ творчествомъ бытовымъ, устроеніемъ спеціальнаго церковнаго музея.

Сначала Е. К. Рѣдинъ объѣздилъ нѣсколько уѣздовъ Харьковской губ., осматривая церкви, иконостасы и утварь, фотографируя храмы и вещи. Въ результатѣ въ музеѣ университета получилась масса снимковъ.

Затѣмъ онъ тщательно осмотрѣлъ и изучилъ всѣ церкви г. Харькова, и результатомъ явилась большая работа, напеч. въ 16 т. Сборн. Харьк. Ист. Фил. Общ., въ 60 печ. стр., съ 48 рисунками и въ 1 т. Трудовъ Харьк. Предварит. Комит. XII Археол. Съѣзда, статья о мѣстныхъ лицевыхъ синодикахъ и статья объ иконѣ подъ назв. «Недреманное Око» въ видѣ Младенца Христа, лежащаго на крестѣ.

Практическое творчество Е. К. Рѣдина выразилось въ развитіи университетскаго музея изящныхъ искусствъ. По его мысли и исключительно его заботами въ этомъ музеѣ созданы были 2 новыхъ отдѣла—церковный и мѣстныхъ художниковъ.

Церковный отдѣлъ состоитъ изъ иконъ, утвари, плащаницъ, чашъ, потировъ и пр. собранныхъ въ 1902 г. къ XII Археологическому съѣзду въ Харьковѣ. Много трудозъ понесъ покойный, собирая эти вещи, и еще болѣе хлопотъ и огорченій, удерживая ихъ за университетомъ. Вслѣдствіе какихъ то тайныхъ ходовъ, явилось требованіе, передать весь церковный музей мѣстной духовной семинаріи, въ которой никогда и никто имъ не интересовался и некому руководить такимъ спеціальнымъ учрежденіемъ, требующимъ серьезной научной подготовки. Покойный вступилъ въ бой за родное дѣтище и, опираясь на графиню П. С. Уварову, удержалъ дорогое имущество въ университетѣ, гдѣ ему дано достойное его приличное помѣщеніе, гдѣ скорѣе всего могутъ найтись люди для надлежащаго его изученія и оцѣнки.

Отдѣлъ картинъ мѣстныхъ художниковъ возникъ, по мысли и просьбамъ Е. К., въ послѣдній годъ его жизни, когда онъ, тяжко больной, не могъ слѣдить за его развитіемъ. Состоитъ онъ изъ картинъ, подаренныхъ мѣстными художниками—Фельдманомъ, Пынѣевымъ, Тракаломъ, Выѣзжевымъ и др.

Природа, жизнь, искусство для Е. К. Рѣдина были единою святыней. Онъ съ чистымъ сердцемъ и полной душевной радостью поклонялся имъ и сливалъ ихъ въ единый, прекрасный образъ. Таково именно его отношеніе къ внѣшней природѣ, къ жизни человѣческой и къ искусству въ его путешествіяхъ, въ его многочисленныхъ дневникахъ, частью изданныхъ, частью сохраняющихся въ его рукописяхъ, частью вылившихся въ его частныхъ письмахъ.

Къ слову сказать, Е. К. любилъ корреспонденцію. Онъ писалъ большія письма своимъ друзьямъ, въ которыхъ откровенно раскрывалъ свое любящее сердце, свои богатые умственные интересы, и потому его письма даютъ большой біографическій матеріалъ.

Изъ печатныхъ его дневниковъ самый крупный находится въ одномъ малоизвѣстномъ провинціальномъ изданіи подъ названіемъ «Италія. Изъ писемъ къ друзьямъ любителя искусствъ». Статья эта вышла потомъ оттисками въ видѣ книжки значительной величины. Подпись безъ фамиліи, только Е. Кузьмичъ, т. е. одно отчество. Въ формѣ дневника

туриста любителя искусства, живо и картинно описаны Венеція, Падуа, Верона, Ферара и Равенна, преимущественно ихъ художественныя собранія и храмы. Болѣе всего мѣста отведено Венеціи, ея Академіи художествъ, св. Марку и дворцу дожей. По пути разбросано много мелкихъ сужденій объ италіанскихъ художникахъ эпохи Возрожденія, преимущественно о венеціанской школѣ— Тиціанѣ, Тинторето, Веронезе, Беллини. Нѣкоторымъ картинамъ Тинторето дано яркое блестящее описаніе. Хотя этотъ трудъ проф. Рѣдина какъ то затерялся и мало извѣстенъ даже спеціалистамъ, однако онъ заслуживаетъ вниманія, особенно при изученіи италіанскаго искусства эпохи Возрожденія, представленнаго тутъ въ яркихъ и сочныхъ краскахъ. Въ одномъ мѣстѣ проф. Р. приводитъ выраженіе Воляри: «если бы природа потеряла свой блескъ, искусство было бы непонятно; оно создано для свѣта и солнца. а не для осенняго тумана и зимняго сумрака». Это вѣрно; свѣтъ, солнце много значатъ при посѣщеніи и изученіи музеевъ, храмовъ, дворцовъ; но еще болѣе значенія имѣетъ тотъ духовный свѣтъ который исходитъ изъ сердца человѣка; онъ освѣщаетъ и согрѣваетъ памятники искусства; онъ вливаетъ въ нихъ жизнь. Е. К. Рѣдинъ владѣлъ этимъ даромъ и, наслаждаясь лично красотой искусства, онъ добавлялъ къ нему красоту своей благородной, чистой, отзывчивой души. Шестинедѣльное пребываніе въ Венеціи оставило въ его сердцѣ глубокій слѣдъ, и, уѣзжая, онъ писалъ: «поэзіей, красотой я окруженъ былъ на каждомъ шагу, и красота очевидно мнѣ покровительствовала. Я былъ все время здѣсь какъ-то идеально, восторженно настроенъ, въ душѣ теплился яркій огонекъ, который озарялъ для меня все въ самомъ пріятномъ, прекрасномъ свѣтѣ». Этотъ «прекрасный свѣтъ» покойный нерушимо донесъ до могилы, и въ послѣдній годъ своей жизни, протекшій въ тяжкой болѣзни, неоднократно мечталъ о путешествіи въ Италію.

Погрузившись въ изученіе искусства и въ наслажденіе имъ, Е. К., однако, не забывалъ о родинѣ, о людяхъ, ему близкихъ, о друзьяхъ. «Я счастливъ, писалъ онъ изъ Вероны; но у меня что-то щемитъ на сердцѣ... Одинъ и одинъ... И въ этотъ моментъ я вспоминаю о васъ, дорогіе друзья»... А въ Падуѣ, стоя передъ статуей мѣстной ученой женщины, онъ занесъ въ свою книжку: «вспомнилъ я о родинѣ. и помечталъ о томъ времени, когда и у насъ будутъ такъ высоко цѣниться дѣятели науки и искусства, какъ они цѣнятся здѣсь, заграницей, когда у насъ университеты будутъ доступны для всѣхъ тѣхъ, кто стремится въ нихъ, и не находитъ доступа въ силу различныхъ обстоятельствъ». Ученый здѣсь сливается съ гуманистомъ, и такимъ Е. К. былъ всегда;

умъ, широкое образованіе давали посылки сердцу, и сердце издавало нѣжные, созвучные гармоническіе звуки.

У меня сохранилось 30 писемъ Е. К., написанныхъ мнѣ въ періодъ времени съ 1898 г. по 1905 г. включительно, нѣкоторыя лѣтней порой, когда я жилъ въ Боромлѣ Ахтырск. у., а Е. К. въ Харьковѣ корпѣлъ надъ своей докторской диссертаціей, поглощавшей у него лучшее время лѣтняго отдыха, большей частью, изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Е. К. былъ въ научныхъ командировкахъ—изъ Константинополя, Аѳона и Аѳинъ—письма 1898 г., Москвы и Юрьева—письма 1899 г., Севастополя 1903 и 1904 годовъ, Кіева и Одессы 1904 г. Многія письма весьма содержительны и обширны, напр., письмо 1904 г. изъ Севастополя съ описаніемъ Херсонескихъ древностей въ 7 почтовыхъ листиковъ, письмо 1898 съ описаніемъ Аѳинъ въ 5 почтовыхъ мелко исписанныхъ листовъ. Во всѣхъ письмахъ красной нитью проходитъ восторгъ передъ красотами природы и искусства. Такъ, 15 мая Е. К. писалъ изъ Константинополя: «Цѣлые дни провожу въ блужданіяхъ по городу, и чѣмъ болѣе знакомлюсь съ Константинополемъ, съ его памятниками, съ чудной природой, тѣмъ болѣе прихожу въ восторгъ, восхищеніе»... Описавъ въ яркихъ и сочныхъ краскахъ морской путь на Аѳонъ, Е. К. далѣе описываетъ прекрасное пѣніе, которое онъ слышалъ въ одномъ монастырѣ. Описаніе Аѳинъ, Акрополя, Парѳенона—море восторга, но тутъ же Е. К признается мимоходомъ, что онъ ногъ не чуетъ отъ усталости, и въ этихъ случайныхъ обмолвкахъ просвѣчиваетъ основательное изученіе памятниковъ искусства въ ихъ природной обстановкѣ и въ первоисточникахъ. Симпатичная личность покойнаго, его сердечная отзывчивость, его чуткость, любовь къ людямъ, скромность, трудолюбіе—все это такъ ярко просвѣчиваетъ въ его неизмѣнно милыхъ и ласковыхъ частныхъ письмахъ, что какъ-то не поднимается рука на отдѣльныя изъ нихъ извлеченія, и хочется прочитать ихъ отъ строчки до строчки, издать ихъ полностью, въ хронилогической ихъ послѣдовательности, что нами и сдѣлано въ этомъ томѣ Сборника Харьк. Истор. Филол. Общества, посвящаемомъ памяти проф. Рѣдина.

Трудъ Е. К. по устройству и организаціи XII Археологическаго Съѣзда въ Харьковѣ—трудъ колоссальный и образцовый. Блестящій успѣхъ этого съѣзда созданъ преимущественно его секретаремъ. Съ теченіемъ времени многое забыто, но стоитъ оглянуться назадъ, бросить бѣглый взглядъ на протоколы Харьк. предварительнаго комитета, на огромное число приложеній къ нимъ, редактированныхъ и корректированныхъ Рѣдинымъ—уже одного этого взгляда достаточно, чтобы прійти въ изум-

леніе передъ необыкновенною трудоспособностью этого человѣка, передъ его глубокой преданностью дѣлу разносторонняго изученія мѣстной старины. Если къ этому добавить его грандіозные каталоги выставокъ, редактированный имъ превосходный альбомъ выставокъ, его статьи, его переписку по дѣламъ съѣзда и выставокъ—то остается только удивляться, когда и какъ хватило силъ у этого рѣдкаго человѣка, чтобы поднять на своихъ плечахъ такую уйму труда, колоссальнаго въ совокупности, кропотливаго, тяжкаго и отвѣтственнаго въ многочисленныхъ его деталяхъ. Мало кому извѣстная, легко забываемая, но по истинѣ блестящая страница въ исторіи русской науки, какъ показатель, до какого самоотверженія и съ какой энергіей можетъ работать русскій ученый, при всѣхъ тяжелыхъ условіяхъ матеріальнаго и служебнаго положенія.

Е. К. Рѣдинъ былъ избранъ секретаремъ предвар. комитета въ первомъ засѣданіи его 20 марта 1902 г. Ему принадлежитъ 24 протокола, съ многочисленными приложеніями. Послѣднее 24-ое засѣданіе было 13 іюня 1902 г. Всѣ протоколы съ приложеніями вошли въ I т. Трудовъ Харьк. предвар. комит., изд. подъ редакціей Рѣдина, съ приложеніемъ множества его собственныхъ статей и замѣтокъ, съ приложеніемъ составленныхъ имъ же именнаго и предметнаго указателей. Изданіе это краснорѣчивый монументъ проф. Рѣдина, который всегда будетъ говорить о его научныхъ заслугахъ.

Въ связи съ задачами XII археологическаго съѣзда проф. Рѣдинъ лѣтомъ 1900 и 1901 г. предпринялъ научную экскурсію по церквамъ Харьковской губ., собралъ много старинныхъ церковныхъ предметовъ, описалъ много церковныхъ памятниковъ, снялъ около 500 фотографій. Этотъ матеріалъ послужилъ для церковно-археологической выставки въ Харьковѣ въ 1902 г. и нынѣ въ большей своей части составляетъ церковно-археологическій отдѣлъ харьковскаго университетскаго музея. На основаніи собраннаго матеріала Е. К. прочиталъ на съѣздѣ докладъ о религіозныхъ памятникахъ искусства въ харьк. губ.; въ этомъ докладѣ, иллюстрированномъ многими раскрашенными діапозитивами лучшихъ германскихъ фабрикъ, пр. Рѣдинъ съ одной стороны отмѣтилъ такіе памятники, которые запечатлѣны характеромъ мѣстнаго происхожденія, съ другой такіе, въ которыхъ наиболѣе сильно отразилось вліяніе западной живописи.

Благодаря чрезвычайно добросовѣстному отношенію къ дѣлу и глубокому научному развитію, Е. К. Рѣдинъ сумѣлъ придать важное научное значеніе такому спеціальному изданію, какъ составленный имъ въ 1902 г. каталогъ выставки XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ. За исклю-

ченіемъ маленькаго нумизматическаго отдѣла въ 8 стр., составленнаго В. Е. Данилевичемъ, каталогъ даетъ 9 обширнѣйшихъ отдѣловъ, около 900 стран.—отдѣлы первобытныхъ древностей, церковный, историческій, этнографическій, старопечатный, рукописный и картографическій. Каталогъ археологическій снабженъ указаніями, кѣмъ и гдѣ были произведены раскопки, на чьи средства; приложенъ указатель географическихъ названій. Особенно важенъ отдѣлъ церковный, собранный и описанный всецѣло однимъ Рѣдинымъ, съ пояснительнымъ предисловіемъ и цѣнными описаніями отдѣльныхъ иконъ, съ указателями географическимъ и иконографическимъ. Съ такою же тщательностью изложены и др. отдѣлы.

Чтобы оцѣнить важное значеніе труда Рѣдина, нужно сказать, что его каталогъ нынѣ представляется основнымъ пособіемъ для ознакомленія съ археологическимъ и церковнымъ отдѣлами университетскаго музея, что по его этнографическому каталогу былъ 6 лѣтъ спустя провѣренъ инвентарь этнографическаго музея и съ его помощью составлена его матеріальная книга, что въ печати появлялись изслѣдованія, построенныя на томъ матеріалѣ, который далъ Е. К. въ каталогѣ.

Но вотъ съѣздъ окончился, ученые гости разъѣхались, выставки разбираются. Е. К. хотѣлъ закрѣпить о нихъ память; ему хотѣлось, чтобы какъ можно болѣе осталось благихъ отъ нихъ результатовъ, чтобы съ наиболѣе цѣнными изъ выставленныхъ памятниковъ могли ознакомиться и другіе спеціалисты, не бывшіе на съѣздѣ. Онъ обходитъ съ фотографомъ всѣ выставки, дѣлаетъ около 300 снимковъ съ иконъ, плащаницъ, ризъ, историческихъ портретовъ, этнографическихъ коллекцій, и снимки эти въ слѣдующемъ 1903 г. появляются въ видѣ роскошнаго альбома на 56 таблицахъ въ исполненіи московской художественной фототипіи Фишера, съ большимъ предисловіемъ проф. Рѣдина, въ которомъ онъ далъ обстоятельное объясненіе всѣмъ снимкамъ. Такимъ образомъ проф. Рѣдинъ, въ значительной степени закрѣпилъ выставки, помогъ ознакомленію съ ними, изученію ихъ, и, по ихъ закрытіи, внесъ свою лепту въ сокровищницу изученія родной старины.

Наконецъ, проф. Рѣдинъ дѣлаетъ еще одинъ послѣдній шагъ, чтобы, что возможно, удержать для широкаго научнаго и публичнаго пользованія и сохранить въ Харьковскомъ университетѣ. Онъ создаетъ при большихъ препятствіяхъ церковно-археологическій отдѣлъ университетскаго музея и по возможности облегчаетъ созданіе отдѣла первобытныхъ древностей, привлекаетъ къ пожертвованіямъ разныя учрежденія и частныхъ лицъ.

Въ тяжкой болѣзни, въ послѣдній годъ своей трудовой жизни онъ еще мечталъ о дальнѣйшихъ приращеніяхъ, высказывалъ часто желаніе

составить популярный путеводитель по музею, заботился объ интересахъ науки, объ интересахъ публики, объ интересахъ посѣщающей музей учащейся молодежи. И какъ онъ всегда былъ чутокъ и отзывчивъ въ этомъ отношеніи, какъ ласково, привѣтливо, радушно шелъ навстрѣчу всѣмъ экскурсантамъ! Нахлынетъ, бывало, толпа юныхъ гимназистокъ, и Е. К. имъ объясняетъ и каменный, и бронзовый вѣкъ, и церковныя древности, и памятники искусства, а въ концѣ въ его рукахъ неожидано появлялись коробки конфектъ, которыя онъ, веселый и довольный, преподносилъ обыкновнно самымъ маленькимъ своимъ гостямъ, открывая тѣмъ, какое за каменными и бронзовыми вѣками скрывалось чуткое и доброе современное сердце.

Е. К. принималъ дѣятельное участіе во многихъ научныхъ, просвѣтительныхъ и благотворительныхъ обществахъ; въ особенности въ положеніи секретаря онъ усердно работалъ въ состоящемъ при Харьковскомъ университетѣ историко-филологическомъ обществѣ. Въ 1905 г. по случаю 25-тилѣтія этого общества онъ сказалъ въ своей превосходной, содержательной рѣчи, что хотя успѣхъ научной дѣятельности Общества находится въ зависимости отъ общихъ условій нашей научно-общественной дѣятельности, но, нужно, однако, прибавить, что эти условія иногда измѣняются самодѣятеляностью членовъ общества, любовью ихъ къ наукѣ и родинѣ». Самодѣятельность, любовь къ наукѣ и родинѣ такъ пышно цвѣли въ душѣ Е. К., что не могли не отразиться въ дѣятельности историко-филологическаго общества и нашли въ ней разнообразное выраженіе.

Въ той же рѣчи Е. К. выразилъ горячія пожеланія, чтобы «Харьковское историко-филологическое общество и впредь развивалось и процвѣтало, служа развитію историко-филологическихъ знаній, распространенію ихъ особенно въ отношеніи освѣщенія культурнаго прошлаго мѣстнаго края, чтобы средства Общества для этихъ цѣлей росли и пріумножались во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы его учрежденія—Историческій Архивъ, библіотека, этнографическій музей и музей древностей университета—росли и крѣпли, какъ отъ лепты культурныхъ слоевъ общества, такъ и собственными его—Общества изысканіями и изслѣдованіями».

Въ направленіи этихъ пожеланій шла дѣятельность Е. К., со времени его избранія въ члены Общества 17 марта 1893 г. и въ особенности со времени избранія его секретаремъ съ 28 февраля 1897 г.

Дѣятельность Е. К. выразилась въ веденіи подробныхъ протоколовъ засѣданій, въ обширной перепискѣ по дѣламъ Общества, въ живомъ участіи во всѣхъ предпріятіяхъ его, въ тяжеломъ трудѣ редактированія его Сборниковъ, въ многочисленныхъ докладахъ и рефератахъ, въ под-

борѣ туманныхъ картинъ для общедоступныхъ публичныхъ лекцій, въ составленіи газетныхъ сообщеній о каждомъ засѣданіи и обстоятельныхъ годовыхъ отчетовъ.

Доклады Е. К. относились къ исторіи искусства и археологіи— «О времени мозаикъ купола Св. Софіи Солунской», «О древне-христіанской пиксидѣ болонскаго музея», объ изданіи Звенигородскаго «Византійскія эмали».

Какъ человѣкъ глубокоотзывчивый и въ научномъ отношеніи въ высшей степени добросовѣстный и преданный наукѣ и дѣятелямъ ея, Е. К. всегда отзывался по поводу ихъ кончины, давалъ обзоръ и оцѣнку ихъ трудовъ въ видѣ обширныхъ и обстоятельныхъ статей. Таковы его цѣнные труды о жизни и ученыхъ трудахъ Джіованни Батиста де Росси, Буслаева, Кирпичникова, Стасова, Добберта, Крауса.

Кромѣ Историко-Филологическаго Общества, Е. К. принималъ участіе въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, въ Константинопольскомъ Институтѣ, какъ членъ ихъ, усердно работалъ въ Византійскомъ Временникѣ. Онъ горячо въ печати привѣтствовалъ появленіе въ свѣтъ этого цѣннаго научнаго изданія и сталъ въ ряды его энергичныхъ сотрудниковъ. «Мы сердечно привѣтствуемъ, писалъ Е. К. по поводу 1 вып. I тома, и желаемъ журналу успѣшнаго выполненія своихъ задачъ».

Въ послѣдніе годы своей жизни Е. К. читалъ лекціи въ городской Художественной школѣ; онъ выписалъ для нея свыше 3 тыс. діапозитивовъ по исторіи италіанскаго искусства и заготовилъ такимъ образомъ цѣнное пособіе, которое, за наступившей болѣзнью, лично не могъ использовать, но которое останется навсегда драгоцѣннымъ памятникомъ его заботливости и любви къ наукѣ.

Е. К. успѣшно работалъ для общества пособія учащимся въ харьковскихъ городскихъ низшихъ училищахъ, предсѣдателемъ котораго онъ состоялъ. Цѣлые часы онъ терпѣливо просиживалъ въ засѣданіяхъ его правленія, выкраивая изъ маленькихъ суммъ возможно болѣе существенныя пособія городской бѣднотѣ. Особенно много хлопотъ ему было съ устройствомъ вечеровъ въ пользу этого общества. Тутъ онъ самъ писалъ пригласительныя письма, разсылалъ билеты, не смущался, когда ему ихъ возвращали обратно, и, будучи человѣкомъ щепетильнымъ, въ этомъ дѣлѣ онъ отрѣшался отъ чувства самолюбія. Никто отъ него не слышалъ, чтобы онъ когда-либо просилъ для себя лично, или для своей семьи—тутъ онъ былъ очень скроменъ и застѣнчивъ, довольствовался малымъ, не просилъ онъ о почетномъ докторствѣ—хотя имѣлъ на то

нравственное право, не искалъ выгодныхъ частныхъ уроковъ, хотя былъ отличнымъ преподавателемъ; но—разъ касалось дѣло бѣдныхъ дѣтей, бѣдной учительницы, хорошаго благотворительнаго дѣла—Е. К. дѣлался неузнаваемъ: онъ просилъ и просилъ, встрѣчалъ иногда противодѣйствіе, непріятности, грубости—но все таки продолжалъ хлопотать. Что стоило ему, напримѣръ, учрежденіе Северинскаго дѣтскаго пріюта? Передъ нимъ, добрымъ человѣкомъ и ученымъ профессоромъ, иногда ломались, встрѣчали его сухо, выдвигали какіе-то возможныя юридическія препятствія. Все это огорчало Е. К., но ничуть не ослабляло его настойчивости, и Северинскій пріютъ учрежденъ, открытъ, сталъ функціонировать; если это маленькое, доброе дѣло осуществилось, то лишь благодаря усердію и настойчивости Егора Кузьмича Рѣдина. Не будь разныхъ помѣхъ, было-бы дѣломъ простой справедливости, если бы на вывѣскѣ этого пріюта рядомъ съ именемъ Н. А. Северина стояло имя Е. К. Рѣдина, тѣмъ болѣе, что они были очень дружны, работали въ обществѣ пособія дѣтямъ совмѣстно, Е. К. въ роли предсѣдателя, Н. А. его товарища. Какъ бы то ни было, пусть хотя эти мало кому замѣтныя строки сохраняютъ имя Е. К. Рѣдина въ связи съ созданнымъ имъ Северинскимъ дѣтскимъ пріютомъ.

Е. К. былъ дѣятельнымъ членомъ общества грамотности, состоялъ попечителемъ его училища на Москалевкѣ; вообще, какъ человѣкъ очень добрый, онъ любилъ дѣтей. Между прочимъ, въ рукописи сохранились двѣ написанныя имъ дѣтскія пьесы. Написалъ онъ ихъ для своихъ близкихъ друзей, и былъ не только авторомъ, но и режиссеромъ маленькой семейной труппы, въ распредѣленіи и разучиваніи ролей. Эти гуманныя, содержательныя и мило написанныя пьески будутъ изданы въ сборникѣ Историко-Филологическаго Общества.

Заваленный разнообразными заботами, Е. К. находилъ, однако, время и для Харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности, несъ обязанности попечителя Москалевской школы, одно время трудился въ Харьковской общественной библіотекѣ, принималъ участіе въ выборахъ въ 1-ую Государственную Думу, причемъ примкнулъ къ конституціонно-демократической партіи и прошелъ въ выборщики по ея списку. Е. К. по истинѣ могъ сказать о себѣ «человѣкъ есмь, и ничто человѣческое мнѣ не чуждо».

Глубокая спеціализація въ такой научной области, какъ церковная археологія, постоянное мысленное общеніе съ Византіей, казалось, могли бы повлечь за собой односторонніе пристрастія—политическія или религіозныя, могли бы, если не засушить сердца, то дать ему одностороннее

направленіе. Такой наклонъ былъ бы въ порядкѣ вещей; но сердце Е. К. оказалось очень вмѣстительнымъ и очень чуткимъ. Оно было забронировано великой любовью, и потому Е. К. Рѣдинъ держался широкихъ религіозныхъ и національныхъ убѣжденій. Эти убѣжденія его не обманули. И въ теоріи, въ наукѣ, и въ жизни, въ своей собственной семьѣ, среди близкихъ и дорогихъ ему людей онъ нашелъ для нихъ оправданіе и въ нихъ нашелъ для себя награду.

Товарищъ и другъ Е. К. Рѣдина проф. петерб. университета Д. В. Айналовъ въ некрологѣ покойнаго говоритъ, что отзывчивость Е. К. къ жизни и житейскимъ отношеніямъ людей была исключительная. Въ какомъ бы городѣ онъ ни оказался, у него уже были порученія, справки, какія то дѣла. Какимъ то всепожерающимъ жаромъ ко всему, къ театру, музыкѣ, зрѣлищамъ, ко всякимъ проявленіямъ дѣятельной жизни отличалась его душа, какъ будто сама пробудившаяся къ жизни.... Древніе греки называли дельфиновъ «φιλανδροποι» любящими людей, за свойство ихъ держаться близко къ человѣку. У Е. К. Рѣдина была природная коренная любовь къ людямъ и всему человѣческому. Это та любовь, которая глядитъ поверхъ костюма, воспитанія, убѣжденій, сословій, обращаясь непосредственно къ человѣческой сущности. Это была та классическая «φιλανδροπια», которая дѣлаетъ людей друзьями, а не врагами, которая сближаетъ, а не разъединяетъ. Въ этой чертѣ у него было что-то прирожденное, и она какимъ-то мягкимъ свѣтомъ облекала всю его фигуру.

Харьковскій университетъ вступилъ во второе столѣтіе. Ему предстоитъ долгій вѣкъ, и дай Богъ, чтобы на его пути нашлись такіе преданные наукѣ, такіе сердечные, добрые и честные дѣятели, какимъ былъ Е. К. Рѣдинъ, чтобы самая общественная среда давала такихъ людей и умѣла ихъ достаточно цѣнить.

Проф. *Н. Сумцовъ.*

Приложеніе.

Письма проф. Е. К. Рѣдина къ проф. Н. Ѳ. Сумцову.

Константинополь 15 мая 1898 г. (пятница).

Дорогой и многоуважаемый Николай Ѳеодоровичъ!

Шлю сердечный привѣтъ Вамъ, всему Вашему семейству и всѣмъ вспоминающимъ меня изъ Царьграда.

Вотъ уже пятый день, какъ я обитаю здѣсь. Цѣлые дни провожу въ блужданіяхъ по городу и чѣмъ болѣе знакомлюсь съ Константинополемъ, съ его памятниками, съ чудной природой, окружающей его, тѣмъ болѣе прихожу въ восторгъ, восхищеніе. Здѣсь такъ своеобразна жизнь, здѣсь такъ очаровательна природа, здѣсь такое обиліе восхитительныхъ видовъ, открывающихся съ различныхъ пунктовъ города, здѣсь такъ много замѣчательныхъ памятниковъ искусствъ, старины —отъ былой жизни древней Византіи, что я положительно нахожусь теперь въ какомъ-то чаду отъ восторга, упоенія всѣмъ этимъ; мнѣ временами кажется, что я по волѣ волшебницы перенесенъ въ сказочный міръ...

И вотъ я тороплюсь познакомиться съ нимъ, насладиться всѣмъ, что онъ даетъ лучшаго, характернаго въ своемъ настоящемъ и въ памятникахъ прошлаго. Уходя изъ дому въ 9 час. утра, я возвращаюсь въ часъ ночи. Хожу много; концы длинные... Хожу по узкимъ, грязнымъ, шумнымъ улицамъ, на которыхъ восточная жизнь бьетъ ключемъ; хожу по площадямъ, базарамъ; захожу въ мечети, бывшія греческія церкви и поражаюсь ихъ архитектурой, дающей столько простору, свѣту; посѣщаю знаменитую столь близкую и дорогую нашему сердцу по различнымъ воспоминаніямъ св. Софію, иду въ Ипподромъ и осматриваю оставшіеся отъ него незначительные по количеству, но грандіозные, величественные памятники, уношусь въ глубь вѣковъ, ко временамъ Юстиніана и предо мной возстаютъ картины того, что здѣсь на этой тихо пустынной, пыльной площади происходило; иду въ музей Чипили-Кіоскъ

и погружаюсь въ созерцаніе древнихъ памятниковъ греческаго искусства—его перловъ—барельефовъ, саркофаговъ «Александра Великаго», «Плакальщицъ».

Имена—Пера, Галата, Стамбулъ, Скутари—не являются для меня пустыми звуками. Я видѣлъ эти мѣста воочію; я окунулся въ міръ своеобразной жизни, кипящей въ нихъ; я пережилъ самъ тѣ чудныя впечатлѣнія отъ красоты Босфора, Золотого рога, отъ единственнаго въ мірѣ мѣстоположенія города, которыя испытываютъ вообще всѣ его посѣтители—путешественники, описатели его.

У меня нѣтъ времени и возможности разобраться во всѣхъ впечатлѣніяхъ. Ихъ такъ много, и такъ они прекрасны, что я опасаюсь, что не успѣю запечатлѣть ихъ въ дневникѣ. Пребываніе мое здѣсь такъ коротко, а каждый новый день приноситъ новый міръ красоты, восторга.

А тамъ, не успѣлъ познакомиться и съ малой долей того, что ждетъ здѣсь всякаго, ищущаго не однихъ лишь эффектовъ, любящаго старину ижелающаго по ней поучиться, придется окунуться въ новый міръ впечатлѣній отъ св. Аѳонской горы, ея монастырей, съ ихъ памятниками. Завтра я это и долженъ буду сдѣлать.

Мнѣ жаль разставаться съ Константинополемъ, но я утѣшаю себя тѣмъ, что не разъ еще посѣщу его въ будущемъ и лучше изучу его, его поучительные памятники.

Былъ нѣсколько разъ въ Рус. Археол. Институтѣ и видѣлъ Ѳ. И. Успенскаго.

Желая Вамъ здоровья, счастья и прося меня не забывать, остаюсь преданный Вамъ *Е. Рѣдинъ.*

Хиландарскій монастырь 31 мая 1898 г.

Дорогой Николай Ѳеодоровичъ!

Шлю сердечный привѣтъ Вамъ и всему Вашему семейству.

Вотъ уже почти двѣ недѣли, какъ я путешествую по св. горѣ Аѳонской. Посѣтилъ уже нѣсколько монастырей—въ сообществѣ съ проф. Н. П. Кондаковымъ. Пребываніемъ своимъ здѣсь я очень доволенъ, такъ какъ время проходитъ съ пользою. Природа здѣсь очаровательная, но обстановка монашеской жизни, весьма своеобразной, производитъ тягостное впечатлѣніе; безъ работы здѣсь жить тяжело, скучно, монотонно. Почта съ Аѳона уходитъ только въ двѣ недѣли разъ, а потому извините, что такъ рѣдко пишу Вамъ. Позволю себѣ подѣлиться съ Вами тѣми отрывочными впечатлѣніями, которыя иногда заношу въ дневникъ.

Въ субботу (16 мая) въ 4 часа я попалъ на параходъ «Одесса», который повезъ меня изъ Константинополя на Аѳонъ. Съ парахода открывался чудный видъ на городъ. Я теперь еще съ бо́льшимъ удовольствіемъ любовался имъ, теперь многое изъ представившагося моимъ взорамъ было уже знакомо мнѣ... На параходѣ публика уже иного характера, чѣмъ та, которая была на проѣздѣ до Константинополя. Видны богомольцы, монахи, любители-путешественники. Всѣ размѣстились на палубѣ и ходятъ группами, или сидятъ. Вотъ мужичекъ сидитъ съ молитвенникомъ и читаетъ его; вотъ старикъ безъ шапки ходитъ по палубѣ и смотритъ съ любопытствомъ на городъ; а вотъ молодые монахи расхаживаютъ по палубѣ и о очемъ-то оживленно бесѣдуютъ; большинство, какъ я вижу, русскіе. Одинъ изъ нихъ, съ которымъ я познакомился, совсѣмъ молодой; изъ разсказовъ его видно, что онъ стремится къ знанію, занимается въ библіотокѣ Р. А. Института (въ Константинополѣ) и тяготится аѳонской жизнью, суровымъ, неестественнымъ отношеніемъ старшихъ отцовъ къ знанію вообще, а его—въ частности.... Вечерѣетъ. Солнце скрывается за темноватыя облака, и лучи его, прорѣзываясь сквозь нихъ, отражаются краснымъ пламенемъ. Какой контрастъ съ темной синей массой воды! Что за поэтическая, колоритная картинка! На палубѣ въ своей компаніи поетъ албанецъ; его пѣсня заунывна и вполнѣ отвѣчаетъ характеру вечера, окружающей природѣ, тому сумраку, что спускается на виднѣющіеся еще слегка берега, на нашъ старый, медленно подвигающійся параходъ... И онъ несетъ меня къ Аѳону, къ той святой горѣ, о которой такъ часто я слышалъ еще въ дѣтствѣ. И вотъ я вспоминаю теперь разсказы матушки, вспоминаю картинки съ изображеніями горы Аѳонской въ видѣ конуса, надъ которымъ вверху Богоматерь простираетъ свой покровъ... Цѣлый день въ воскресенье мы ѣхали. Къ полудню стала виднѣться св. гора. Всѣ пассажиры подолгу стояли на носу корабля и смотрѣли впередъ. Въ 6 час. мы уже подъѣхали. Совсѣмъ ясно видны ютящіеся по горѣ тамъ и сямъ монастыри, келейки. Съ массой богомольцевъ высадились на берегъ. Часовъ до 10 ожидали, пока отойдетъ параходъ; въ 10 ч. сѣли въ лодку и съ опасностью (вѣтеръ поднималъ громадныя волны) болѣе $^1/_2$ часу ѣхали въ монастырь. Вотъ онъ и предсталъ. Это громадный замокъ, цѣлый городокъ—Русскій Пантелеймоновскій монастырь. Утромъ (въ понедѣльникъ) слушалъ въ церкви обѣдню; прекрасное пѣніе монаховъ. Послѣ обѣда отправился въ путь на мулахъ—въ сопровожденіи монаха чрезъ всю гору. Къ 5 ч. пріѣхалъ въ *Иверскій монастырь*, гдѣ и нашелъ проф. Н. П. Кондакова. Тотчасъ же съ нимъ и съ Марромъ (нашъ спутникъ) отправились къ бывшему Констан-

тинопольскому патріарху. Въ получасовомъ разстояніи у моря стоитъ башня и церковь; здѣсь и живетъ патріархъ. Осмотрѣли церковь, пили чай, любовались съ платформы видомъ и затѣмъ опять въ монастырь. Утромъ во вторникъ вновь были у патріарха, затѣмъ посѣтили монастырь *Ставроникиту*. Въ среду, въ 2 часа, попрощались съ монахами, сѣли въ лодку и болѣе двухъ часовъ ѣхали по морю, наслаждаясь чудными видами на берегъ, на аѳонскія горы, на возвышающіяся здѣсь и тамъ въ зелени кельи. Вотъ и подъѣхали къ *Ватопедскому монастырю*. Уже издали онъ поражаетъ своими размѣрами и красивымъ мѣстоположеніемъ. Какъ и всѣ аѳонскіе древніе монастыри, онъ напоминаетъ крѣпость; обнесенъ высокой стѣной, имѣетъ башню и пр. Чрезъ св. ворота вошли въ прекрасно вымощенный дворъ—съ чуднымъ св. источникомъ и съ красивыми подъ мраморъ церквами, колоннадами; тутъ же во дворѣ садикъ, состоящій изъ однихъ лимонныхъ деревьевъ. Устроившись въ архондарикѣ, отправились въ соборъ и были поражены его убранствомъ, красотою его—онъ весь украшенъ фресками съ любопытными гектографическими изображеніями и затѣмъ—что наиболѣе замѣчательно—его древностями—то единственными въ своемъ родѣ мозаичными, то живописными иконами, то барельефами въ золотѣ, мѣди. Положительно это—единственный въ своемъ родѣ музей памятниковъ византійскаго искусства.

Послѣ осмотра отправились съ визитомъ къ эпатрону (начальнику монастыря), который принялъ насъ въ полномъ собраніи всѣхъ старцевъ—монаховъ. Н. П. Кондаковъ изложилъ черезъ переводчика (русскаго монаха), что его прислалъ самъ Россійскій Государь съ порученіемъ осмотра, изученія аѳонскихъ древностей для образца русскимъ церквамъ и просилъ разрѣшенія фотографировать все, изучать. Одинъ монахъ отъ лица всѣхъ выразилъ на то полное согласіе: «весь монастырь въ Вашихъ рукахъ», сказалъ онъ. Мы, довольные результатами свиданія, пошли въ свою келью. Послѣ ужина любовались моремъ, южнымъ небомъ. Отправились въ церковь слушать всенощную. Такъ называется богослуженіе подъ праздники, совершаемое дѣйствительно въ теченіе всей ночи; въ 5 ч. утра начинается новое—литургія; такимъ образомъ монахи должны непрерывно пробыть въ церкви около 12 часовъ. Что за торжественное зрѣлище предстало предъ нами, когда мы въ полутемнотѣ вошли подъ своды старой церкви, со стѣнъ которой, съ купола глядѣли на насъ древнія фресковыя изображенія, а у самыхъ стѣнъ, въ сидѣніяхъ (формахъ) увидѣли фигуры монаховъ, одѣтыхъ во всё черное. Слышно то чтеніе, то пѣніе... Огоньки еле мерцаютъ. Мы съ благоговѣніемъ приложились къ иконамъ и стали у стѣны. Я всматривался вверхъ церкви

и едва замѣчалъ въ живописи фигуры святыхъ, я всматривался въ мрачныя фигуры монаховъ и видѣлъ ихъ суровые глаза, пронизывавшіе насъ, я вслушивался въ пѣніе, но оно навѣвало меланхолію своимъ однообразіемъ, монотонностью и малой гармоничностью. Сильнѣе дѣйствовала на мое воображеніе вся окружавшая меня обстановка. И подъ вліяніемъ ея, сильныхъ разнообразныхъ впечатлѣній, испытанныхъ за весь день, я, возвратясь въ келію, занесъ вышенаписанное въ дневникъ.

Въ четвергъ (21 мая) съ ранняго утра отправились въ соборъ монастыря и стали заниматься описаніемъ его замѣчательныхъ памятниковъ искусства.

Подъ вечеръ гуляли въ окрестностяхъ монастыря и вновь по всему его двору и наслаждались очаровательными картинами, глядѣвшими на насъ изъ каждаго угла этого двора, отъ каждой башни, церкви. Цѣлый день (въ пятницу 22-го мая) проведенъ плодотворно въ занятіяхъ, описывали, фотографировали иконы мозаичныя, фресковыя. Въ субботу опять цѣлый день занятій. Обошли весь монастырь, всѣ предѣлы собора, всѣ церкви, находящіяся въ оградѣ монастыря. Послѣ ужина были въ соборѣ. Завтра—Троица, а потому у монаховъ всенощное бдѣніе. Мы справно вновь пріютились, какъ и они, въ формахъ и смотрѣли на окружающихъ насъ монаховъ, на извѣстную отлично намъ обстановку, но въ новомъ освѣщеніи. Торжественъ былъ моментъ, когда при пѣніи «хвалите Господа съ небесъ» зажгли всѣ «форосы» (люстры) и послѣдніе стали мѣрно раскачиваться, словно хороводы въ пляскѣ, прославляющіе Творца....

Въ четвергъ (28 мая) прощались съ Ватопедомъ. Были торжественные проводы. Всѣ монахи пришли до лодки, на которую мы сѣли. Болѣе часу ѣхали мы моремъ; лодку качало, и я чувствовалъ себя дурно. Показался монастырь *Эсфигменъ*, стоящій прямо у самого моря, обнесенный высокой оградой съ пиргой. Въ этой оградѣ, т. е. толщѣ стѣны устроены жилища—лучшія комнаты, обращенныя видомъ на море, плескъ котораго такъ и слышенъ ежеминутно, когда сидишь у окна кельи, какъ это я дѣлаю теперь. На берегу насъ встрѣтилъ игуменъ, и мы направились въ монастырь. По обычаю мѣстному Васъ ведутъ сейчасъ въ «архандарикъ», т. е. гостинную, пріемную—съ нарами, покрытыми коврами, съ картинами, портретами различныхъ государей, повѣшанными на стѣнахъ. Вы садитесь, и Вамъ предлагаютъ какую—нибудь сладость, варенье и сладкіе напитки; взявъ ложечкой этой сладости, Вы ложку опускаете въ стаканъ, а изъ другого стакана запиваете сладость водой. Объяснивъ цѣль нашего пріѣзда, показавъ соотвѣтствующія грамоты, отправляемся въ главную церковь, которая по обыкновенію расположена въ срединѣ двора. Въ монастырѣ

Эсфигмена церковь совершенно новая и блеститъ вся, много русскихъ иконъ и другихъ предметовъ—церковной утвари, такъ какъ монастырь возобновился русскими и на русскія деньги. Поклонились св. мощамъ—частямъ древа Господня, головамъ, костямъ различныхъ святыхъ. Намъ подробно называли имена этихъ святыхъ—не такъ, какъ поклонникамъ, русскимъ мужичкамъ, пришедшимъ послѣ насъ сюда-же въ церковь въ сопровожденіи русскаго монаха изъ Пантелеймоновскаго монастыря. Съ какимъ благовѣніемъ прикладывались они къ этимъ мощамъ, къ иконамъ. По ихъ костюмамъ, лицамъ видно, что путь ихъ былъ тяжелъ.... Мы занялись обзоромъ монастыря и его достопримѣчательныхъ памятниковъ. Было уже 12 час. и насъ пригласили обѣдать. За обѣдомъ было много рыбы, но исполненія плохого и нечисто подается. Масло и лукъ даютъ знать о себѣ весьма сильно, а еще болѣе непріятно дѣйствуютъ тряпочки, лежащія на столахъ для обтиранія ножей и вилокъ, такъ какъ послѣднія при перемѣнѣ блюдъ не перемѣняются. Послѣ обѣда пили кофе, а затѣмъ разошлись по кельямъ. Я сѣлъ у окна записывать впечатлѣнія отъ видѣннаго, испытаннаго, а Н. П. Кондаковъ дѣлалъ акварелью видъ горы, на которой стоитъ церковь св. Антонія Печерскаго; здѣсь, по преданію, онъ жилъ на пути въ Россію. Чудный видъ открывается съ балкона, на которомъ сижу я, на эту высокую остроконечную гору съ небольшою церковью, ютящеюся въ зелени и на свѣтлое голубое море, широкое, просторное, ударяющееся своими волнами о берегъ. Невидно ни души человѣческой; одна ширь свободнаго моря предъ тобой, да стоящія въ заливѣ парусныя лодки. Прекрасна природа и хорошо среди нея, но необходимо, чтобы и на душѣ было бы легко, свободно...

Послѣ Эсфигмена мы посѣтили два славянскихъ монастыря—Хиландарскій, Зографскій, а въ настоящее время обитаемъ вновь въ монастырѣ св. Пантелеймона, оттуда уже будемъ выѣзжать въ нѣкоторыя оставшіеся неосмотрѣнными монастыри.

Завтра (въ пятницу) отходитъ пароходъ въ Константинополь, и я спѣшу окончить мое письмо къ Вамъ. Простите грѣшнаго брата Георгія, если онъ своими блѣдными красками не съумѣлъ представить предъ Вами той поэтической картины, которая проходитъ предъ нимъ въ безконечномъ числѣ варіантовъ, представляя и чудные виды природы и своеобразную жизнь монаховъ-отшельниковъ. Отсюда въ половинѣ іюня собираюсь въ Солунь, а тамъ въ Аѳины. Если буду живъ, здоровъ, то постараюсь, какъ позволятъ силы, подѣлиться своими впечатлѣніями, а пока, желая Вамъ здоровья, счастья и всего лучшаго и прося не забывать меня, остаюсь любящій Васъ и крѣпко уважающій Вашъ *Е. Рыдинъ.*

Аѳины, 1898 г. 28 іюня.

Дорогой Николай Ѳеодоровичъ!

Шлю сердечный привѣтъ Вамъ и всему Вашему семейству.

Черезъ недѣлю съ небольшимъ я уже возвращусь на родину: побывалъ, гдѣ предполагалъ, испыталъ много удовольствія; не удалось побывать въ Италіи: истощились денежныя средства. Подѣлюсь, какъ могу, своими впечатлѣніями отъ пребыванія въ Аѳинахъ и прошу не забывать меня, когда изъ дальнихъ и пріятныхъ странствованій возвращусь подъ скромный кровъ того дома, что стоитъ недалеко отъ стараго—престараго моста бѣдной теперь, вѣроятно, уже совсѣмъ пересохшей рѣченки «Харьковъ».

Вотъ они великіе Аѳины «omnium artium inventrices». Уже болѣе недѣли я живу въ этомъ городѣ и не могу войти въ спокойную колею; я все еще смотрю на него, гуляю по его улицамъ, посѣщаю его памятники, святыни въ какомъ то радужномъ, восторженномъ настроеніи. И странное дѣло: всѣ эти святыни, памятники давно уже извѣстны тебѣ, но тѣмъ не менѣе, подходя теперь къ нимъ впервые, получаешь отъ нихъ впечатлѣніе не менѣе сильное и пріятное, чѣмъ, если бы ихъ видѣлъ впервые; мнѣ кажется, что они теперь являются особенно пріятными, дорогими, производятъ сильное впечатлѣніе потому, что уже давно знакомы тебѣ, свиданіе съ ними—свиданіе съ старыми дорогими друзьями...

Рой историческихъ воспоминаній проходитъ у тебя при видѣ извѣстнаго памятника, при посѣщеніи извѣстнаго мѣста...

Какъ въ Римѣ самой дорогой святыней, какъ бы олицетвореніемъ его въ одномъ памятникѣ—является соборъ св. Петра, такъ здѣсь Акрополь съ его памятниками. И я первымъ долгомъ отправился къ нему—принести дань почтенія великому творенію Фидія—Парѳенону.

Было прекрасное тихое іюньское утро. Въ воздухѣ была еще свѣжесть, прохладно. Я съ увлеченіемъ шелъ по улицамъ, ровнымъ, прекрасно вымощеннымъ, съ небольшими, бѣленькими, довольно однообразной архитектуры домами по обѣимъ сторонамъ. Вотъ я на площади Конституціи—самой красивой, съ садикомъ. Вокругъ этой площади сосредоточены лучшіе магазины, гостинницы, а по вечерамъ здѣсь толпится народъ, сидятъ за столиками, утоляютъ свою жажду скромными напитками, въ то время, какъ веселые мальчишки пробѣгаютъ мимо съ кипами газетъ, выкрикивая ихъ названія. Съ площади я вступилъ на прекрасную, широкую, длинную Филлэлиновую улицу; прошелъ мимо русской церкви—большой, византійскій храмъ съ замѣчательной колокольней; мимо новой англійской

и пройдя еще нѣсколько шаговъ, былъ пораженъ представшей предо мной картиной. Тамъ вдали какъ бы въ концѣ города возвышается громадная гора, или вѣрнѣе скала—это Акрополь. Онъ ярко выдѣляется со своими разноцвѣтными камнями, съ темной массой стѣнъ, стройно подымающихся вверхъ, со своими колоннами; Парѳенонъ—въ этой средѣ. Надъ нимъ и вокругъ него свѣтлое голубое небо, слегка подернутое свѣтлорозовыми и бѣлыми облачками. И этотъ Акрополь такъ часто видѣлся мнѣ съ различныхъ пунктовъ города, гдѣ я не находился. Онъ дѣйствительно уже по одному своему положенію являлся (и теперь является) центромъ города, гдѣ хранится его «святое святыхъ».

Взглянулъ я налѣво и увидѣлъ прекрасную арку Адріана и еще далѣе рядъ колоннъ также красиво вырисовывающихся въ нихъ при утреннемъ освѣщеніи—отъ колоссальнаго храма Зевса. Я подошелъ къ этимъ памятникамъ и осмотрѣлъ ихъ. Но Акрополь, виднѣющійся вдали, влечетъ къ себѣ. Я пошелъ далѣе и замѣтилъ въ концѣ улицы стройный Лизикратовъ памятникъ, подхожу къ нему и осматриваю его со всѣхъ сторонъ. Возвращаюсь назадъ и иду по прекрасной дорогѣ, обсаженной красивыми деревьями. Справа у меня все время виднѣлся Акрополь. Я уже близко отъ него и вотъ у самой подошвы вижу цѣлый лѣсъ колоннъ, обломковъ статуй, барельефовъ, словомъ цѣлое кладбище мрамора, бывшаго въ рукахъ человѣка, который прилагалъ для обработки его усилія своего ума, вкуса. Я пошелъ чрезъ ворота города въ средину развалинъ Діонисовскаго театра; основанія его, сцены, оркестры, а равно самыя сидѣнія—цѣлы и я посидѣлъ на одномъ изъ нихъ, въ первомъ ряду Діонисовскаго жреца, помечталъ и отправился далѣе къ развалинамъ святилища Асклепія и къ колоссальнымъ, производящимъ сильное впечатлѣніе даже въ настоящее время развалинамъ Одеона-Ирода, съ фасадной стѣной въ два этажа, съ сидѣніями, какъ въ театрѣ Діониса. А Парѳенонъ сбоку отъ меня, высится и влечетъ къ себѣ. Я возвращаюсь на дорогу—аллею, прохожу мимо площадки, засаженной чудной красоты кактусами, изъ которыхъ, какъ цвѣты, выходятъ стройные, подобные пальмѣ, деревья съ красивыми желтыми цвѣтами, увѣнчивающими, какъ вѣнокъ стволы этихъ деревьевъ. Вотъ я у воротъ Беле и боковымъ входомъ поднимаюсь по лѣстницѣ, ведущей въ Пропилеи и можетъ быть это Вамъ покажется страннымъ, но, признаюсь, съ благовѣніемъ ступалъ я по тѣмъ ступенямъ, по которымъ подымались Аѳиняне во времена Перикла (и ранѣе) въ торжественныхъ процессіяхъ къ Парѳенону. Вотъ они чудные Пропилеи, колоссальные и вмѣстѣ красивые, величественные—съ этими дорическими колоннами, съ этими портиками, пятью входами.

Справа виднѣется граціозный храмъ Ники Аптеросъ, выступая какъ бы впередъ изъ Акрополя въ воздушное пространство, и я не утерпѣлъ, чтобы не подойти къ нему, не полюбоваться имъ поближе тѣмъ видомъ, что открывается съ его площадки и что такъ прекрасно воспѣто Байрономъ. Воротами Пропилеевъ вступаю на каменистую почву Акрополя и черезъ нѣсколько шаговъ останавливаюсь у самого величественнаго Парѳенона, у его колоннады; сажусь на ступени, ведущія въ самый храмъ и задумываюсь.....

Было уже около полудня. Солнце палило невыносимо. Оно ослѣпляло своимъ свѣтомъ и весь городъ, виднѣвшійся съ Акрополя, казался какимъ-то сѣрымъ, выжженнымъ пятномъ. Я поспѣшилъ спрятаться и отдохнуть въ Акропольскій музей и былъ очень доволенъ. Этотъ музей— прямое дополненіе къ тѣмъ памятникамъ, что на Акрополѣ, памятникъ музея обновилъ Акрополь, восполнилъ его картину не воображеніемъ, а реальными памятниками. И вотъ я предъ этими замѣчательными памятниками—скульптурой на порогѣ времени Писистрата, предъ этими статуями женщинъ, дошедшихъ до насъ съ головами, во всемъ одѣяніи, уборахъ, сохранившимъ свою окраску. Это не богини, не типы женщинъ вообще, а отдѣльные индивидуумы со всѣми типичными признаками ихъ характеризующими. Предо мною были аѳинянки VI в. во всемъ ихъ уборѣ, во всей ихъ наивной прелести. Я предъ метопами, фризами, статуями Парѳенона, и прелесть, строгая красота созданій Фидія такъ и чувствуется въ нихъ, геній его паритъ здѣсь, какъ и надъ самимъ Парѳенономъ. Долго я любовался и другими памятниками и уже послѣ обѣда (для чего, конечно, спускался въ городъ) обошелъ весь Акрополь снова и долго стоялъ у граціознаго храма Эрехтейона съ его дивными, безсмертными каріатидами, съ его изящными іоническими колоннами и особенно капителями. Съ площадки, находящейся на задней части Акрополя я долго любовался представившимся моему взору видомъ съ горами на горизонтѣ, съ новымъ городомъ, расположеннымъ внизу со своими низкими бѣлыми домиками, съ зеленью, осѣняющею ихъ, съ виднѣющимися тамъ и сямъ развалинами древняго города.

Мнѣ не хотѣлось уходить съ Акрополя, такъ онъ поразилъ меня своимъ видомъ, тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвелъ на меня. Такія впечатлѣнія рѣдки и они останутся у меня на всю жизнь самыми дорогими, пріятными.....

Но вотъ свистокъ стражи указываетъ, что пора уходить и я медленно, оглядываясь временами на Пропилеи, спускался по ступенямъ лѣстницы и вступилъ уже въ городъ, не разъ останавливался и любо-

вался на чудное зрѣлище, представляемое имъ, этимъ Акрополемъ, при вечернемъ освѣщеніи.

Съ тѣмъ-же чувствомъ удовольствія, восторга я посѣтилъ, осмотрѣлъ другія достопримѣчательности Аѳинъ, какъ напр. тутъ-же недалеко находящійся отъ Акрополя—Ареопагъ, башню вѣтровъ, колоссальный и удивительно сохранившійся Тезейонъ—лучшій образчикъ дорической архитектуры и нѣкоторые другіе. Ихъ всѣхъ немного. Но лучшимъ дополненіемъ къ нимъ имѣются музеи—Акропольскій, о которомъ я уже говорилъ и Центральный. Чего только послѣдній не заключаетъ въ себѣ! Осмотръ его вводитъ васъ во всѣ эпохи греческаго искусства, начиная съ миѳическаго періода и кончая римскимъ. Здѣсь всѣ сказочныя богатства, открытыя Шлиманномъ, здѣсь лучшіе оригиналы скульптуры, вазовой живописи, терракоты, бронзы; здѣсь цѣлое древне-греческое кладбище—съ громаднымъ количествомъ надгробныхъ стеллъ, памятниковъ вѣры. И когда я послѣ посѣтилъ Дипилонъ и увидѣлъ слабые остатки могилъ, надгробныхъ памятниковъ, то только вспоминая видѣнное въ музеѣ, могъ ясно и живо представить, какъ богато были убраны кладбища у древнихъ Грековъ и какъ всюду они вносили красоту, изящный вкусъ.

Обращаясь отъ древнихъ Аѳинъ къ новымъ, я невольно вспомнилъ объ Италіи и итальянцахъ. И странное дѣло—м. б. это объясняется случайными обстоятельствами—лѣтомъ, несчастнымъ состояніемъ Греціи послѣ войны, мнѣ показалось, что итальянцы куда живѣе, жизнерадостнѣе грековъ. Тамъ жизнь дѣйствительно бьетъ ключемъ, а здѣсь она словно замерла: и народу какъ-то видно мало, да и не выглядываетъ онъ молодцомъ, смѣлымъ, бойкимъ. На этихъ солдатъ и офицеровъ, что ходятъ по улицамъ, досадно смотрѣть, а народа, толпы, которая обыкновенно въ Италіи кишитъ на улицахъ, живетъ полной жизнью—я не вижу. Нарочно ѣздилъ въ Воскресенье въ Фалеру, гдѣ морскія купальни, итальянская опера и присмотрѣлся къ греческой аристократіи, по крайней мѣрѣ той, что была тамъ: бѣдна она и захудала. Но нельзя не отдать чести гречанкамъ; среди гулявшихъ я замѣтилъ много стройныхъ, граціозныхъ и съ интеллигентымъ выраженіемъ въ лицѣ, хотя и скромно одѣтыхъ...

Но не удивительно, впрочемъ, что теперь жизни мало видно. Здѣсь такая тропическая жара, что въ полдень положительно свѣта Божьяго не видно и оттого, именно, что онъ одинъ только и царитъ надъ землей.

Но несмотря на эту жару, я въ высшей степени доволенъ и радъ, что посѣтилъ Аѳины: исполнилась моя завѣтная мечта, и я могу съ гордостью и радостью вспоминать о своемъ пребываніи здѣсь, о тѣхъ чудныхъ впечатлѣніяхъ, которыя выношу отсюда.

Въ заключеніе своего пребыванія въ Аѳинахъ — сдѣлалъ двѣ экскурсіи — одну въ Дафну, монастырь, находящійся въ часовомъ разстояніи отъ города, а другую въ Олимпію. Церковь м. Дафни украшена прекрасными византійскими мозаиками, лучшими изъ извѣстныхъ, XI вѣка; къ сожалѣнію, недавно онѣ сильно пострадали послѣ землетрясенія; однако и то, что осталось, можетъ доставить наслажденіе своей красотой даже и не занимающемуся византійскимъ искусствомъ.

Поѣздка въ Олимпію—это вновь праздникъ по тѣмъ пріятнымъ впечатлѣніямъ, которыя она произвела на меня—это—словно мечта поэта, или чудное видѣнье... И въ самомъ дѣлѣ—что за прелесть и красота одна только дорога изъ Аѳинъ до Олимпіи!

Въ теченіе цѣлаго дня предо мною проходили одна картина за другою—чудные пейзажи, съ небольшими холмами, горами, долинами, осѣненными пальмами, кипарисами, пиніями, маслинами, виноградниками, и съ моремъ, тихимъ, спокойнымъ, свѣтлоголубымъ, изумруднымъ. Поѣздъ всё время идетъ около этого моря, т. е. сначала Сароническаго залива, а затѣмъ Коринѳскаго; и что за воздушныя, эфирныя перспективы открывались вдали, на противуположныхъ берегахъ, на синѣющихъ на горизонтѣ горахъ. Пейзажъ тихій, граціозный, не бьющій по нервамъ, не поражающій колоссальностью, и доставляющій спокойное наслажденіе спокойной красотой, близкой, доступной человѣку, восхищающей, но не поражающей его. Лишь въ такой обстановкѣ—радость и, неудивительно, что греки населяли въ своемъ воображеніи эту обстановку такимъ же міромъ прекрасныхъ божествъ какъ они сами—люди. Я проѣхалъ Элевзинъ, Мегару, Истмійскій перешеекъ, видѣлъ каналъ, соединяющій два залива, видѣлъ Коринѳъ, Патрасъ, массу деревень, виллъ и около 9 час. вечера былъ, наконецъ, въ Олимпіи. Когда я очутился въ комнатѣ гостинницы и открылъ тамъ окно, то увидѣлъ подернутую уже ночнымъ туманомъ священную долину. Рано утромъ, въ $4^1/_2$ ч., я проснулся и когда взглянулъ въ то-же окно, то былъ пораженъ чуднымъ пейзажемъ, открывшимся предо мной. Невдалекѣ виднѣлась долина, въ зелени, съ купами деревъ, пересѣченная оврагомъ, по которому течетъ небольшой ручеекъ, Кладіосъ, виновникъ гибели и сохраненія памятниковъ священнаго Алтиса, усѣянный грудами развалинъ, начинающихся отъ самой подошвы прелестнаго холмика Критта. Тутъ-же невдалекѣ отъ развалинъ вьется синей лентой Алфей, а вокругъ долины рядъ холмовъ, одинъ граціознѣе другого съ зелеными пятнами отъ прекрасной растительности и желтыми отъ площадей для посѣва. Солнышко слегка еще освѣщало долину, и я поспѣшилъ пройти къ ней. Черезъ новый мостикъ, перебро-

шенный черезъ Кладіосъ, я вступилъ въ ограду священнаго мѣста, гдѣ было столько собрано сокровищъ, и памятниковъ искусства, куда собирались на игры и празднества греки со всѣхъ концовъ свѣта, мѣста, игравшаго важную роль въ религіозной и общественной жизни Греціи. Я прошелъ къ главному входу и отъ него уже пошелъ къ главной святынѣ долины—развалинамъ Зевсова храма, а отъ послѣдняго постепенно обошелъ всѣ мѣста и памятники—и Пелопіонъ, Герейонъ, Филиппейонъ, Энзедру Ирода Аттики, Сокровищницы и др. Сами по себѣ руины не производятъ сильнаго впечатлѣнія. Предъ тобой всѣ груды колоннъ, камней, основанія зданій. Но производитъ впечатлѣніе вся обстановка, тѣ воспоминанія, которыя являются при видѣ этихъ грудъ и которыя заставляютъ ихъ оживать, являться въ своемъ первоначальномъ видѣ. Есть нѣчто поэтическое въ этомъ обзорѣ; я получаю при этомъ кромѣ научнаго удовольствія чисто художественное. Вся среда—поэзія, процессъ переживанія воспоминаній—поэзія, процессъ возстановленія въ воображеніи памятниковъ—поэзія. И я болѣе трехъ часовъ наслаждался этой поэзіей; отъ груды развалинъ обращалъ свои взоры къ природѣ и ушелъ въ самомъ радужномъ настроеніи лишь тогда, когда солнце начало сильно давать о себѣ знать своими палящими лучами.

Еще болѣе ожила предо мной священная долина, когда я вошелъ въ музей и началъ осматривать его сокровища, памятники искусства, собранные изъ находокъ при раскопкахъ.

Первая зала переноситъ въ храмъ Зевса; у стѣнъ ея, равныхъ по длинѣ стѣнамъ этого храма, расположены скульптуры, украшавшія его фронтонъ. Никакія фотографіи не даютъ того впечатлѣнія, которое получаешь при обзорѣ самихъ оригиналовъ.

Сколько истинно художественнаго эстетическаго наслажденія получалось, любуясь находящимися тутъ-же Никой Пеонія и особенно Гермесомъ Праксителя. Это—идеалъ красоты человѣческой, но возсозданной на основаніи не воображаемыхъ оригиналовъ, а реальныхъ!

А, какъ эффектна Ника! Какъ смѣло передано художникомъ платье, какъ красиво ложатся по тѣлу складки!

Вечеромъ я еще разъ обошелъ всѣ памятники Алтиса; они предстали предо мной столь-же поэтичными и при вечернемъ освѣщеніи, и съ вершинъ Пропіоки и другихъ холмовъ я долго любовался и общимъ видомъ развалинъ, и общей панорамой. Уже совершенно стемнѣло, какъ я бросилъ послѣдній взглядъ на долину, и на слѣдующій день рано утромъ сѣлъ въ поѣздъ и пустился въ обратный путь—въ Аѳины.

Путешественникъ, собираясь сегодня въ отъѣздъ на родину, мечтаетъ теперь о иной поэзіи: уютной комнаткѣ съ книгами, шипящемъ самоварѣ, дѣтскихъ веселыхъ голоскахъ, чудныхъ аккордахъ піанино, привѣтѣ теплomъ друзей .....

До свиданія! Желая всего Вамъ лучшаго и прося не забывать меня, остаюсь искренно и сердечно преданный Вашъ *Е. Рыдинъ.*

Село Порѣчье, Можайскаго уѣзда, четвергъ 17 декабря 98 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Николай Ѳеодоровичъ!

Шлю сердечный привѣтъ Вамъ и всему Вашему семейству.

Наконецъ-таки я только сегодня, въ четвергъ, попалъ въ село Порѣчье, имѣніе графовъ Уваровыхъ.... Но начну по порядку.

Выѣхалъ я изъ Харькова въ Понедѣльникъ. Попалъ я въ низкій душный вагонъ для курящихъ. Воздухъ отчаянный! Дышать трудно, а табачный дымъ прямо лѣзетъ въ горло и душитъ его. Послѣ Бѣлгорода я улегся спать и проспалъ до 8 час. утра. Цѣлый день еще ѣзды до Москвы! Тоскливый день! Отъ духоты, спертаго воздуха побаливаетъ голова. Выйти на площадку нельзя: боишься-простудиться; и вотъ сидишь, читаешь газеты, дремлешь подъ разговоры сосѣдей; взглянешь въ окно—унылый, печальный, однообразный видъ; суровый мрачный день; на далекое пространство виднѣющіяся поля, покрытыя бѣлоснѣжнымъ саваномъ, убогія деревушки, занесенныя снѣгомъ, обнаженные лѣса, изрѣдка попадающіеся на глаза укутанные въ теплыя лохмотья мужички...

Въ 5 час. уже стемнѣло. Отъ нечего дѣлать, чтобы разсѣять тоску два раза завтракалъ. Лишь въ $7^1/_4$ час. вечера попалъ въ Москву. И вотъ пошли безконечныя улицы, переулки, бульвары, площади, базары, церкви, монастыри, часовни, лавки, амбары, магазины, мужики, купцы, приказчики, ломовики, кресты, кресты, золотыя и голубыя маковки.... Что и говорить—городъ живой!... Но этотъ сѣрый, мрачный колоритъ, этотъ снѣгъ, распускающійся въ грязь... Тоскливо!... Ѣду въ «Метрополь», оставляю вещи и ѣду съ визитомъ къ А. И. Кирпичникову. По обыкновенію—отечески милъ и любезенъ. Отъ него узнаю, что графини Уваровой въ Москвѣ нѣтъ. Въ среду кофе пилъ у Филиппова на Тверской. Зашелъ къ дочери графини, гдѣ былъ и сынъ ея, живущій въ Порѣчьѣ. Условились, что я могу выѣхать только завтра. Остающійся въ моемъ

распоряженіи цѣлый день посвятилъ на свиданіе со старыми хорошими знакомыми. Ночь подъ четвергъ почти совсѣмъ не спалъ. Въ 9 ч. ѣду на Брестскій вакзалъ, съ 10 до 3 час. скучнѣйшая дорога. Станціи съ именами столь знакомыми, близкими, вызывающими много воспоминаній, какъ Можайскъ, Бородино, но увы, никакихъ памятниковъ, никакихъ признаковъ жизни...

Вотъ и ст. Уваровка. Выхожу. Меня ждетъ чудная тройка съ санями. Сажусь, плотнѣе укутываюсь въ шубу, и она мчитъ меня по неровной дорогѣ черезъ поля, покрытыя снѣгомъ, черезъ лѣски. Надо мной свинцовое мрачное небо; впереди меня—куда глазъ ни посмотритъ—всё бѣлоснѣжная пустыня... никакихъ признаковъ жизни. Проѣзжаемъ деревни... и онѣ мертвы.. Какія-то жалкія лачужки, деревянныя, крытыя соломой.. Не видно живой души, не слышно даже лая собакъ... Въ свободномъ полѣ дуетъ вѣтеръ, несетъ холодомъ; кони мчатся; отъ ихъ копыть срываются комки снѣга и ударяютъ въ мою шубу. А колокольчики звенятъ, гудятъ уныло... И уныло. тоскливо на душѣ... Немного только оживишься при видѣ мальчиковъ, которые стоятъ иногда у избъ съ дубинками, играя, вѣроятно, въ какую-нибудь игру. Два часа продолжалась эта ѣзда съ этими печальными видами природы, деревенской обстановки, напоминающими скорѣе одинъ изъ круговъ Дантовскаго ада, чѣмъ мѣсто, гдѣ царь-человѣкъ, гдѣ онъ мечтаетъ создать рай... Вотъ и Порѣчье. Иныя картины, иные виды. Это городокъ культурный съ массой строеній монументальныхъ—все принадлежащихъ усадьбѣ. Уже совсѣмъ было темно, какъ мы въѣхали въ усадьбу. Я увидѣлъ передъ собой дворецъ съ купольной крышей посерединѣ и по бокамъ его длинныя строенія все монументальныя, основательно устроенныя. Къ подѣзду лѣваго крыла и подкатила тройка.

Мнѣ отвели громадную комнату, прекрасно меблированную, съ громадной кроватью—всё старинной работы, временъ, вѣроятно, александровскихъ или николаевскихъ; на стѣнахъ картины съ видами Константинополя, Аѳинъ, Рима, Каира.

Послѣ обѣда представляюсь молодой графинѣ, т. е. женѣ сына гр. Уваровой. Простая, милая, живая женщина! Два часа бесѣдовали; она съ интересомъ, любовью говорила о своемъ дѣлѣ—хозяйствѣ, садоводствѣ, о школѣ, земствѣ.

На слѣдующій день (18 декабря) послѣ чаю съ масломъ, булочками, сливочками — отогрѣвался у графини. Отперли мнѣ анфилады комнатъ. Половина ихъ занята музеемъ, состоящимъ изъ собственно музея, библіотеки печатныхъ книгъ и рукописныхъ. Комнаты страшной

высоты. Прекрасные шкафы, въ которыхъ поставлены лучшія книги по всѣмъ отраслямъ наукъ (главнымъ образомъ историческимъ) и искусствъ. Тутъ собраны такія книги, которыхъ нѣтъ въ иныхъ университетскихъ библіотекахъ—Acta Sanctorum, болландисты, отцы церкви, византійскіе писатели и т. д.

Въ музеѣ антики—много прекрасныхъ статуй. Подборъ ихъ, бюстовъ Данта, Аріосто, Тасса, Микель Анджело, Рафаэля—указываетъ во владѣльцѣ классика и романтика, любившаго всё прекрасное въ поэзіи и въ искусствѣ... Слѣдующій залъ русскій—всё памятники древне-русскаго искусства, равно христіанскаго—средневѣковье и вещи изъ раскопокъ на Кавказѣ. Собраніе колоссальное, и это главнымъ образомъ—результатъ трудовъ гр. А. С. Уварова. Удивительная энергія, любовь къ прошлой культурѣ, къ родной старинѣ...

А вотъ въ угловомъ залѣ—рукописи—всё русскія—наслѣдіе древне-русской литературы, источникъ мудрости и плоды ея—русскихъ древнихъ книжниковъ, ученыхъ и литераторовъ. Удивительный, повторяю, культурный уголокъ. О, если бы такихъ уголковъ было побольше на Руси и если бы сокровищами ихъ могли пользоваться и тѣ сѣрые, темные люди, что живутъ въ убогихъ избушкахъ селъ и деревни, окружающихъ нынѣ Порѣчье и имъ подобныхъ, разсѣянныхъ по лицу земли русской—то какъ бы счастлива была эта земля русская и не выглядывала бы она такъ мрачно, сурово, какъ выглядываетъ теперь здѣсь зимой.

Пришла графиня и по моему списку вынула изъ шафовъ столь дорогія моему сердцу рукописи Козмы Индикоплова, изъ которыхъ одна 1495 года и писана въ Ярославлѣ.

Занимался до 6 час. вечера. Приходила два раза графиня; обошли съ нею залы музея, побесѣдовали. Въ 1 час. прекрасный завтракъ, а въ $6^1/_2$ час.—обѣдъ—всё вкусныя блюда, удивительный квасъ—словомъ помѣщичье угощеніе, барское житье. Послѣ обѣда около $9^1/_2$ ч. чай—вновъ со сливками, булочками, масломъ....

Изъ оконъ вижу, что ночь тихая, чудная, къ тому-же лунная. И меня потянуло погулять по усадьбѣ. Въ сопровожденіи слуги вѣрнаго выхожу во дворъ; тутъ рыскаютъ сторожевыя собаки; идемъ аллеями, и изъ словъ слуги узнаю, что вотъ тамъ виднѣющееся за деревьями зданіе—оранжерея, далѣе скотный дворъ, тамъ птичникъ, контора управляющаго, хлѣбный магазинъ, тамъ питомникъ—молодыя деревья, тамъ деревья, или растенія нѣжныя, укутанныя соломой. Вышли за ворота усадьбы... Поле снѣжное, поле бѣлое, вдали лѣсъ зеленый (ели), тамъ еще дальше деревья—видно свѣтящійся въ избѣ огонекъ... Справа улица

села Порѣчья, церковь и вновь лѣсъ... А луна красавица свѣтитъ и смѣется надо мной: «О, бѣдный Кузьмичъ — по отчеству и занятію — ты хочешь поэзіи, наслаждайся-же этой поэзіей — усадьбы зимою съ голыми деревьями, какъ бы замершей природой. Если бы ты пріѣхалъ сюда весною, то нашелъ бы иную поэзію, истинный рай земной»... И я началъ грезить весной. Мнѣ послышалось пѣніе птицъ, я чувствовалъ запахъ отъ распустившихся цвѣтовъ свѣжей листвы. Но дѣйствительность скоро разбиваетъ грезы. Подъ ногами хруститъ снѣгъ, я плотнѣе укутываюсь въ шубу и возвращаюсь въ свою комнату....

25 декабря.

И дни идутъ за днями—съ утра до вечера сижу надъ рукописями, разбираю старательное писаніе благочестиваго книгописца, мудрое живописаніе древне-русскаго артиста; предо мною проходитъ вся «исторія» въ образахъ. Я въ царствѣ мечтаній и грёзъ русскаго религіознаго человѣка—и вотъ въ безыскусственныхъ пестрыхъ и живописно украшенныхъ картинахъ предо мною проходятъ образы Бога отца, Ветхаго деньми; Христа, Апостоловъ, пророковъ и святыхъ; рай и адъ, блаженство праведныхъ и мученіе грѣшниковъ, реальныя и фантастическія существа, населяющія вселенную,—птицы, сирены, инороги, фениксы..., козни дьявола, прелести женскія, спасеніе иноческое ...

Оторваться отъ этого царства и вспоминать о дѣйствительности, о своей жизни... о своихъ друзьяхъ.

Прошу принять мои искреннія пожеланія всего лучшаго въ наступающемъ новомъ году и, прося не забывать меня, остаюсь душевно преданный весь Вашъ *Е. Рѣдинъ.*

Ст. Уваровка, Московско-Брестской жел. дор., с. Порѣчье, графу Ѳеодору Алексѣевичу Уварову, съ передачей мнѣ.

P. S. Не знаю, какъ долго еще пробуду здѣсь.

Москва 17 мая 1899 г.

Дорогой Николай Ѳеодоровичъ!

Шлю сердечный привѣтъ Вамъ и Вашему семейству.

Уже недѣля будетъ, какъ я въ Москвѣ, готовящейся теперь лихорадочно къ Пушкинскимъ празднествамъ.

Я почти каждый день бываю на Тверскомъ бульварѣ и смотрю на нашу національную гордость—великаго поэта, котораго скульпторъ изоб-

разилъ какъ бы задремавшимъ и печальнымъ. Онъ теперь въ лѣсахъ; вокругъ него чистка, уборка, мачты....

А сегодня былъ въ Румянцевскомъ музеѣ и видѣлъ Пушкинскую выставку: рукописей, автографовъ и печатныхъ изданій его сочиненій.

Что особенно привлекло мое вниманіе и что особенно поразило—это рисунки поэта въ его рукописяхъ. Какой смѣлый рисунокъ, какая талантливость, чисто художественный даръ—въ немногихъ чертахъ передать характеръ лица, его существенныя черты. Въ этихъ рисункахъ масса портретовъ—набросковъ его современниковъ, друзей, героевъ его произведеній, цѣлыя сцены, виньетки и т. п. Словомъ—это цѣлая художественная область, міръ, который долженъ подлежать изученію наравнѣ съ литерат. произведеніями поэта; это матеріалъ и источникъ для проникновенія въ процессъ творчества поэта, и какъ жаль, что къ столѣтнему юбилею не приготовили спеціальнаго изданія рисунковъ поэта. Это было бы изданіе, достойное юбилея. То немное, что я видѣлъ, убѣждаетъ меня, что Пушкинъ былъ великій художникъ не только въ словѣ, но въ изобразительномъ искусствѣ—живописи.

На цѣлую недѣлю я былъ отвлеченъ отъ работъ поѣздкою въ Св. Горы.

Какъ Вамъ, конечно, извѣстно—я неожиданно ѣду въ Святыя Горы депутатомъ отъ университета. Если бы Вы пожелали, то я могъ бы явиться депутатомъ и нашего Историко-Фил. Общества; если пожелаете, то немедленно сообщите и пришлите краткое привѣтствіе отъ имени общества, которое я могъ бы прочесть; и увѣдомьте оффиціально комитетъ (въ Псковѣ).

А. И. Кирпичниковъ рѣчи Вашей не снималъ съ программы, т. к. еще не имѣетъ отъ Васъ оффиціальнаго извѣстія; онъ просилъ передать Вамъ, что если бы Вы прислали, то Ваша рѣчь могла бы кѣмъ-нибудь прочитана, если Вы ее пришлете.

Относительно иллюстрацій къ Жаннѣ д'Аркъ—вотъ что могу сообщить. Во всѣхъ марстерскихъ цѣна приблизительно одна и таже: за клише цинкографическое въ сѣтку, т. е. дѣланнаго съ рисунка въ свѣтотѣняхъ—берется плата съ каждаго квадратнаго дюйма—40 коп., при этомъ такимъ образомъ, что за клише меньшее 10 кв. д. берется тоже, что 10 кв. д.; иными словами клише меньше 4 руб.—нѣтъ; слѣдовательно тѣ 10 клише, которые намъ даетъ Гашетъ, minimum стоили бы въ Москвѣ 40 р., но въ дѣйствительности дороже. Поэтому, если рѣшеніе Ваше и наше съ А. Ѳ. не измѣнится украсить статью рисунками, вышлите въ Парижъ—Librairie Hachette, Boulevard Saint Germain, 74.

Что-же касается остальныхъ рисунковъ—съ большихъ и лучшихъ, то съ нихъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, уменьшивъ въ 1/2, или въ 1/3, можно было бы приготовить нѣсколько.

Поговорите съ А. Ѳ. Котовымъ или рѣшите сами, ассигновавъ еще небольшую сумму, и о своемъ рѣшеніи сообщите мнѣ, и я по Вашему указанію и А. Ѳ. закажу еще дюжину рисунковъ здѣсь.

Прося передать поклонъ А. С. Лебедеву, М. С. Дринову и всѣмъ помнящимъ меня и прося не забывать меня, остаюсь душевно-преданный весь Вашъ *Е. Рѣдинъ*.

Москва 4 іюля 1899 г.

Дорогой Николай Ѳеодоровичъ!

Шлю сердечный привѣтъ Вамъ и всему Вашему семейству.

Давно уже не писалъ я Вамъ и отъ Васъ не имѣю извѣстій, кромѣ телеграммы. А очень было бы интересно услышать отъ Васъ харьковскія новости, и вѣсточки о нашихъ дѣлахъ, о празднествѣ, объ университетѣ и т. п. Какъ я сильно ни занятъ здѣсь, но забыть уже хотя бы родной Харьковъ—не могу и всѣхъ близкихъ и дорогихъ въ немъ лицъ и друзей... Пишите же пожалуйста...

На цѣлую недѣлю я былъ отвлеченъ отъ работъ поѣздкою въ Святыя Горы.

Чѣмъ далѣе въ глубь прошлаго удаляется эта поѣздка, тѣмъ она болѣе пріобрѣтаетъ для меня характеръ идеальнаго, чего-то волшебнаго, мечты или грезы. Это было чудное паломничество. Это былъ праздникъ у могилы національнаго вождя, и невольно твой духъ подымался выше, ты чувствовалъ возвышеннѣе, настраивался на торжественный ладъ и отдавался искренне всѣмъ существомъ торжеству его идей.

И сама обстановка особенно этому способствовала; она придавала торжеству характеръ народнаго праздника. Вдали отъ столицы съ ихъ шумомъ и блескомъ, мишурной нарядностью и напыщенной надутостью — въ тихой крестьянской слободѣ, среди полей и луговъ, у стѣнъ обители святой, у бренныхъ останковъ великаго поэта, совершалось это торжество. И эта мирная сельская обстановка, этотъ мелодичный звонъ колоколовъ обители святой, этотъ простой народъ-пахарь, окружающій могилу,— какъ глубоко запали они въ мою душу, какой сильный слѣдъ оставили они въ ней!... Стоя среди народа, я поддавался невольно и радостному, и печальному настроенію... У меня минутами хотѣли бѣжать изъ глазъ

слезы радости, а минутами—слезы печали. Я не могу забыть пережитыхъ мною чувствъ, забыть видѣнное и слышанное.

Эта могила великаго поэта у обители, на горѣ, осѣненная деревьями, привлекшая къ себѣ столько поклонниковъ изъ разныхъ концовъ земли русской, толпы народа (изъ окрестныхъ деревень), невольно и безсознательно поддающагося также благоговѣйному почитанію покойнаго; этотъ красивый театръ на сосѣдней горѣ видный отсюда съ площадки, сооруженной вокругъ монастырской церкви;—этотъ народъ, спѣшащій туда—услышать слово о поэтѣ, его произведенія—такъ живо возстаютъ предо мною, какъ будто я вновь тамъ, на мѣстѣ и я вновь переживаю то же чувство радости и грусти, которое испытывалъ тамъ; чувство радости оттого, что я присутствовалъ на праздникѣ русскаго искусства, торжества русскаго генія, поэта, въ которомъ русская нація нашла лучшаго выразителя; что я, сынъ народа, увидѣлъ послѣднее убѣжище этого генія, поклонился праху его и—какъ могъ—выразилъ благоговѣніе его памяти;—чувство грусти въ сознаніи, что мало сдѣлано нами, живущими на счетъ народа для приближенія его къ этому торжеству, для большого пониманія имъ того сокровища, что заключено въ твореніяхъ поэта.

А село Михайловское съ смиреннымъ домикомъ, гдѣ поэтъ провелъ съ няней отшельникомъ два года незамѣтныхъ, гдѣ онъ бывалъ въ различное время; село—съ чуднымъ видомъ на рѣку Сороть, на озеро; съ садомъ, лѣсомъ;—моя прогулка по всей усадьбѣ—тоже живо встаетъ предо мной теперь, и я вновь переживаю то же чувство радости, съ которымъ посѣщалъ всѣ эти мѣста, осматривая съ благоговѣніемъ все и какъ бы чувствуя, что здѣсь невидимо рѣетъ духъ поэта...

Чтобы попасть въ Святогорскій монастырь—надо ѣхать по желѣзной дорогѣ до ст. Островъ (Варш. ж. д.), а оттуда на лошадяхъ около 60 в. Дорога довольно живописная; часто попадаются лѣски, рѣки и множество озеръ. Но при холодной пасмурной погодѣ пейзажъ выглядываетъ суровымъ. По странной для моего возраста наивности я захватилъ одно лѣтнее пальто и соломянную шляпу. И досталось-же мнѣ! Холодъ пронизывалъ меня насквозь, ноги коченѣли и я не на шутку боялся схватить новый ревматизмъ. Но къ счастью я ѣхалъ въ экипажѣ четырехмѣстномъ—съ дамой, извѣстной писательницей Лухмановой. Она сжалилась надо мной и укрыла меня тѣмъ, что у нея было теплаго.

Въ слободѣ, что у монастыря, помѣстили насъ въ хорошихъ, чистыхъ квартирахъ. Обѣдали въ буфетѣ, спеціально устроенномъ; были разбиты три палатки на монастырскомъ дворѣ.

25 мая была всенонощная; пѣлъ архіерейскій хоръ; 26 за обѣдней—пѣлъ хоръ Архангельскаго, я былъ въ восторгѣ и восхищеніи: просто не хотѣлось уходить изъ церкви.

Торжественная панихида у могилы служилась подъ проливнымъ дождемъ; я былъ въ одномъ фракѣ и съ серебренымъ вѣнкомъ въ рукахъ. И вновь погибъ бы я, пришелецъ съ юга, если бы надо мной не сжалились и не дали зонтика. Возложилъ я въ числѣ другихъ на могилу вѣнокъ, а въ 2 часа въ торжественномъ засѣданіи, происходившемъ въ театрѣ, сказалъ небольшое привѣтствіе отъ имени университета и общества [1]). Рѣчей говорилось много; читались стихи, пѣлась кантата. Прошло чествованіе торжественно, и во многихъ случаяхъ трогательно, не взирая на дождь, нашедшій себѣ проходъ въ театръ чрезъ полотняную крышу.

Но какой чудный день былъ 27! Теплый, свѣтлый, ясный, и вся слобода приняла прекрасный, истинно праздничный видъ. Пріятно было смотрѣть на эту народную толпу у могилы, у театра, у открытой сцены, видную то здѣсь, то тамъ, оживленную... И народъ заинтересовали торжествомъ; онъ кое-что узналъ изъ бесѣдъ о Пушкинѣ, услышалъ кое-что изъ его сочиненій: была поставлена «Русалка», нѣкоторыя сцены изъ «Бориса Годунова».

Въ этотъ же день я посѣтилъ село Михайловское, 28 въ послѣдній разъ былъ у могилы поэта и видѣлъ, съ сожалѣніемъ говоря, монастырь, гдѣ пережито, перечувствовано было такъ много хорошаго, пріятнаго, возвышающаго духъ.

Обратная дорога была также холодная и гибильная: но добрая душа вновь меня пріютила отъ гибели.

29 я выѣхалъ; 30 въ Москвѣ и вотъ уже какъ недѣля снова за своей работой.

Какъ то поживаете Вы? Какъ дѣла Вашихъ дѣтей? Не уѣхали-ли Вы уже въ деревню? Пишите и не забывайте душевно Вамъ преданнаго и любящаго Вашего *Е. Рѣдина.*

P. S. Пожалуйста побудите типографію Гагарина прислать мнѣ корректуру. Вѣдь я могу опоздать съ выпускомъ оттисковъ къ съѣзду, а для меня это важно.

Поклонъ всѣмъ помнящимъ меня.

---

[1]) Привѣтствіе это у меня въ двухъ редакціяхъ, я его пришлю Вамъ и если найдете его достойнымъ, помѣстите въ сборникѣ Пушк. только сообщите—когда будетъ не поздно прислать Вамъ?

Харьковъ 15 іюня 1900 г.

Дорогой и добрѣйшій Николай Ѳеодоровичъ.

Я и моя невѣста шлемъ Вамъ, Екатеринѣ Дмитріевнѣ и Вашей дочери нашъ сердечный привѣтъ и глубокій поклонъ.

Пользуюсь случаемъ — прежде всего — отъ себя и отъ лица своей незѣсты выразить Вамъ глубокую благодарность за Ваше вниманіе къ намъ, за то теплое доброе отношеніе къ намъ, которое Вы проявили и проявляете для новаго для насъ пути, которымъ мы пойдемъ въ жизни.

Очень жалѣю, что не могу точно опредѣлить Вамъ время, когда я расчитываю пріѣхать къ Вамъ въ Боромлю, съ тѣмъ чтобы оттуда сдѣлать научную экскурсію по Сумскому и Ахтырскому уѣздамъ.

Представьте себѣ—непріятный сюрпризъ, преподнесенный намъ Харьковскимъ Губернаторомъ!...

Въ засѣданіи съ гр. Уваровой онъ обѣщалъ намъ выдать открытые листы на право производства раскопокъ. Теперь-же, когда комитетъ послалъ ему просьбу объ этомъ, онъ отказывается, ссылаясь на законъ: Археологическая-де комиссія имѣетъ только право давать такіе листы, а потому онъ послалъ этой комиссіи ходатайство о выдачѣ намъ этихъ листовъ. И вотъ теперь приходится ожидать ихъ. Сегодня долженъ былъ пріѣхать проф. Антоновичъ, и если не пріѣдетъ, то пріѣдетъ на дняхъ, а листовъ все нѣтъ. Мнѣ ожиданіе тѣмъ болѣе непріятно, что я желалъ бы около 2-хъ недѣль побывать въ качествѣ ученика при раскопкахъ. Далѣе, если бы ученичество мое окончилось до 1 іюля, то послѣ этого я долженъ ѣхать съ А. С. Леоедевымъ въ Бѣлгородъ; послѣ около 10—15 іюля предполагается свадьба; послѣ недѣли двѣ— желательна была бы прогулка съ будущей супругой—куда?—смотря по средствамъ и обстоятельствамъ. Послѣ, наконецъ, около 1 августа, или вѣрнѣе съ 1 авг.—уже поѣздка по церквамъ Харьковск. губ.

Конечно, мнѣ очень желательно и пріятно было бы совмѣстное путешествіе съ Вами. Но, какъ видите, планъ у меня обширный, условный и я боюсь стѣснить Васъ своими обѣщаніями, которыя могу въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ и не исполнить.

Итакъ, если обстоятельства мнѣ позволятъ, и если я не явлюсь къ Вамъ поздно, то, повторяю, буду очень радъ путешествовать съ Вами совмѣстно. Но покорнѣйше прошу не ставить моего путешествія въ зависимость съ Вашими поѣздками; турне Вы предполагали сдѣлать для этнографич. цѣлей. А то можетъ оказаться, что изъ за меня Вы упустите время своихъ поѣздокъ.

попадешь въ новое мѣсто—по этимъ допотопнымъ дорогамъ, въ этихъ вытряхивающихъ изъ тебя всю душу—экипажахъ!..

Не особенно пріятное удовольствіе—быть непрошеннымъ гостемъ у священниковъ, у которыхъ поневолѣ приходится останавливаться въ селахъ, если не желаешь ночевать подъ открытымъ небомъ.

Правда—я не могу пожаловаться на нелюбезность священниковъ: они принимаютъ очень радушно.

Но сознаніе непрошенности—стѣсняетъ тебя не меньше, чѣмъ ты ихъ.

Наши села лѣтомъ куда веселѣе выглядятъ, чѣмъ зимою: но всё же какое однообразіе, какая бѣдность!..

А эти глухіе, захолустные города, какъ напр. Зміевъ, откуда я пишу Вамъ. Какіе это бѣдные культурные уголки! Это скорѣе большая деревня, чѣмъ городъ, какъ мы привыкли понимать послѣдній, соединяя съ его названіемъ представленіе о центрѣ культурной жизни для извѣстной области. Внѣшняя обстановка—дома, улицы, площади—хорошій показатель того, что этой культуры въ немъ мало.

Когда же ты проснешься деревенская Россія и заживешь истинно культурной жизнью?

Я посѣтилъ пока Мерефу, Артемовку, Комаровку, Бабаи, Хорошевъ монастырь, Хорошево, Константиновку, Боровую, Водяное, Чугуевъ, Малиновку, Печенѣги, Лебяжье, Коробочкино, и наконецъ Зміевъ, откуда предстоитъ еще большой кругъ по нѣкоторымъ селамъ Зміевскаго и Изюмскаго уѣздовъ.

Въ общемъ—результатами доволенъ. Но тяжело.

Въ фотографіи мнѣ усердно помагаетъ не безызвѣстный Вамъ г-нъ Кардашевъ.

Желая Вамъ здоровья и всего лучшаго, остаюсь душевно преданный весь Вашъ *Е. Рѣдинъ*.

P. S. Супруга моя, обитающая въ Двурѣчномъ Кутѣ, шлетъ Вамъ сердечный привѣтъ.

Въ Харьковѣ буду недѣли черезъ двѣ—три.

Стратилатовка (Каменка) 12 августа 1901 г.

Дорогой Николай Ѳеодоровичъ!

Шлю сердечный привѣтъ Вамъ и всему Вашему семейству.

Сердечное спасибо Вамъ за Ваши два любезныхъ письма, которыя я получилъ въ началѣ августа.

Возвратившись изъ поѣздки по церквамъ и монастырямъ, отправился въ новую поѣздку, и теперь пишу Вамъ съ мѣста раскопокъ кургановъ. Чудная, увлекательная работа—особенно при открытіи могилъ. Предъ тобой воочію картина погребенія древнѣйшаго поселенца юга Россіи. А самое пребываніе въ теченіе цѣлаго дня въ степи, среди этихъ великановъ-кургановъ! сколько въ этомъ поэзіи.

Я очень радъ и счастливъ. Къ 20 Августа вернусь въ Харьковъ. Поклонъ отъ супруги.

Душевно преданный Вашъ *Е. Рѣдинъ.*

---

1 марта 1902 года.

Дорогой Николай Ѳеодоровичъ!

Любя и уважая Васъ, какъ дорогого для меня человѣка, я искренно огорченъ: 1) оффиціальностью обращенія Вашего ко мнѣ въ письмахъ, 2) неисполненіемъ моей просьбы относительно резюмэ Вашей рѣчи, 3) уходомъ вчера изъ засѣданія, не попрощавшись со мной. Я вчера былъ радостно настроенъ отъ сердечнаго характера нашего торжества, простого, не напыщеннаго, говорившаго о дѣлѣ, и мнѣ такъ хотѣлось видѣть эту сердечность, простоту, и прежде всего въ Васъ, а Вы ушли, и сегодня утромъ прислали такое письмо.

Но я думаю, что Вы просто устали, и торопитесь отдохнуть; а я, какъ дѣвица, все думаю о любви...

Простите, дорогой Николай Ѳедоровичъ, за изліяніе и вѣрьте въ чувство моей преданности Вамъ весь любящій, Васъ, Вашъ *Е. Рѣдинъ.*

Харьковъ. 8 іюля 1902 г.

Дорогой Николай Ѳеодоровичъ!

Малороссія, Украйна, Запорожцы—вотъ тотъ міръ, въ которомъ я теперь вращаюсь, которымъ живу, окруженный этими портретами гетмановъ, полковниковъ, писарей, простыхъ смертныхъ—въ видѣ отдыха запорожца, сидящаго на землѣ по восточному и курящаго свою люльку, окруженный этими пищалями, саблями, сѣкирами, пороховницами, штудирующій виды Харькова XVIII в., описывающій различные памятники быта и невзгоды, имѣющіе отношеніе все къ той же Украинѣ, которая дорога мнѣ не только какъ лицу, живущему въ ней, но и какъ интелли-

гентному человѣку, дорожащему національнымъ настоящимъ и прошлымъ — выражающемся въ исторіи, поэзіи, памятникахъ искусства.

Я съ захватывающимъ интересомъ, увлеченный поэзіей народнаго малороссійскаго быта — въ его бытовыхъ костюмахъ, пѣсняхъ — прослушалъ надняхъ пьесу «Цыганку Азу» въ чудной игрѣ Кропивницкаго, Заньковецкой. Трогательное до умиленія, до проявленія слезъ на глазахъ впечатлѣніе произвело на меня безподобное пѣніе старцевъ, нищихъ; чарующее впечатлѣніе—хоры свадебные...

И въ параллель всему этому, я съ такимъ же захватывающимъ интересомъ прочиталъ сегодня Ваши «Очерки народнаго быта». Началъ я ихъ читать, съ цѣлью искать пропущенныя Вами при корректурѣ ошибки, но интересъ содержанія, интересъ художественныхъ описаній, Ваше глубокое чувство любви къ украинской природѣ, народу, къ ихъ поэтическому прошлому настолько увлекли меня, очаровали, что я первоначальную цѣль своего чтенія забылъ, и отдался весь непосредственно идеѣ, духу содержанія написаннаго.

Да, въ Вашихъ «Очеркахъ» все та же поэтическая Малороссія, которой я теперь окруженъ, которой занятъ. Большое спасибо Вамъ за удовольствіе, испытанное мною отъ чтенія ихъ.

Я такъ сильно занятъ теперь, такъ забитъ работой, что могъ бы временами совсѣмъ упасть, или окостѣнеть, т. е. потерять интересъ ко всему, если бы въ той-же работѣ не находилъ временами поэзіи, той поэзіи, безъ которой трудно жить человѣку, которая подниметъ духъ.

Узнавъ, что Вы выписали себѣ корректуру статей, я на первыхъ порахъ было не много погнѣвался на Васъ: боялся, что Вы задержите, но этого не оказалось. Все идетъ хорошо.

Я очень жалѣю, что не знаю малороссійскаго языка. Я теперь мучусь надъ «Словаремъ» Василенка, и не знаю, какъ справлюсь съ нимъ.

Еще разъ спасибо Вамъ за «поэзію». Передайте сердечный привѣтъ всѣмъ Вашимъ и не забывайте меня бѣднаго великоросса, любящаго Малороссію, старающагося работать для нея, но, увы, не знающаго малороссійскаго языка.

Душевно преданный Вамъ *Е. Рѣдинъ*.

Дорогой Николай Ѳеодоровичъ!

Съ годъ тому назадъ при Педагогическомъ Отдѣлѣ нашего Общества была сосредоточена историко-географическая секція подъ моимъ предсѣдательствомъ Эта секція имѣла въ виду устроить и устраивать

рядъ чтеній для учащихся. Уже были подготовлены чтенія; дѣло стояло за картинами къ волшебному фонарю. Одно изъ чтеній было мое: «Римскія катакомбы и древне-христіанское искусство», которымъ и предполагалось открыть указанныя чтенія.

Въ настоящее время картины къ чтенію готовы, и я готовъ прочитать это чтеніе—только до 25 марта. Если это чтеніе состоится, то, т. о. будетъ положено начало чтеніямъ для учащихся, будетъ основанъ нѣкоторый денежный фондъ для расходовъ на заготовленіе картинъ.

Все теперь зависитъ отъ Вашего сочувствія, помощи. Если Вы не измѣнили въ принципѣ согласія своего на подобныя чтенія и полагаете, что Педагогическій Отдѣлъ подобными чтеніями принесетъ дѣйствительно пользу, то будьте такъ добры сдѣлайте самое важное это вѣроятно—добыть разрѣшеніе. Хлопоты по устройству, добыванію помѣщенія возьметъ на себя исполнительное отдѣленіе секціи, во главѣ котораго, между прочимъ, стоитъ г. Алякритскій.

Если чтеніе состоится, то я думаю самое чтеніе предложить издать Педаг. Отдѣлу—въ его, конечно, пользу.

Очень жалѣю, что не засталъ Васъ; и у Васъ, и у меня такъ теперь занято время, что я не знаю, когда въ состояніи увидѣть Васъ. Поэтому, можетъ быть, Вы будете такъ добры—написать мнѣ, чтобы я сообразно съ Вашимъ рѣшеніемъ, планами—могъ начать соотвѣтствующія дѣйствія.

Остаюсь съ глубокимъ уваженіемъ Вашъ *Е. Рѣдинъ*.

---

1 мая 1903 г.

Дорогой Николай Ѳеодоровичъ!

Я заходилъ къ Вамъ спеціально, что бы сообщить Вамъ можетъ быть еще Вамъ неизвѣстную—весьма печальную новость—о смерти дорогого и незабвеннаго А. И. Кирпичникова. Сейчасъ только подъ вечеръ у меня былъ С. В. Соловьевъ и передалъ мнѣ это извѣстіе.

Я нахожусь подъ тяжестью этого извѣстія. Оно печальное, щемящее душу. Хочется плакать и излить въ слезахъ грусть, тоску, сожалѣніе о потери дорогого *человѣка*...

Человѣкъ—А. И. именно былъ человѣкомъ въ высшемъ, благородномъ значеніи этого слова.

Съ именемъ А. И. для меня связываются лучшіе дорогіе годы жизни—студенческіе, когда я впервые узналъ его, имѣя счастье имѣть

общеніе съ нимъ, какъ съ незнакомымъ учителемъ, руководителемъ. Съ именемъ профессора Кирпичникова для меня студента связывалось всё лучшее, идеальное, ибо въ немъ я находилъ для себя всё то прекрасное, о чемъ мечталъ, поступая въ Университетъ. Онъ былъ для меня, былъ и для многихъ моихъ товарищемъ, учителемъ, наставникомъ, добрымъ помощникомъ—и въ стѣнахъ Университета, и внѣ ихъ—въ жизни. Теплотой, сердечностью преисполнены были его отношенія къ молодежи. Онъ былъ, какъ я это самъ испыталъ, во многихъ случаяхъ роднымъ отцомъ... Такимъ отцомъ въ своихъ отношеніяхъ онъ явился для меня и послѣ окончанія Университета...

Грустно и больно на душѣ отзовется для многихъ это печальное извѣстіе о смерти А. И.

Добрымъ словомъ помянутъ его ученики, слушатели.

Наше Общество, конечно, также помянетъ его этимъ словомъ, и оно м. б. (думаю навѣрно) устроитъ спеціальное засѣданіе, посвященное его памяти. Я лично готовъ сказать въ этомъ засѣданіи о его трудахъ по исторіи искусства и сказать нѣсколько словъ его памяти, какъ учителя-человѣка. Но такое засѣданіе, вѣроятно, возможно будетъ устроить лишь въ сентябрѣ, т. к. теперь глухое время и времени до закрытія засѣданій остатось очень мало.

Душевно преданный весь Вашъ *Е. Рѣдинъ.*

1 мая 1903.

P. S. Пожалуйста не назначайте засѣданія общества на 5 мая; я буду въ этотъ вечеръ занятъ для общ. вспомощ.

Севастополь 26 іюня 1903 г.

Дорогой Николай Ѳеодоровичъ!

Подъ небомъ благодатнаго юга, въ виду далеко простирающагося предо мною синяго моря, тихо плещущаго о берегъ и манящаго въ свою синюю глубь—пишу Вамъ. Пишу всё еще находясь подъ сильнымъ впечатлѣніемъ отъ окружающей меня обстановки, отъ того мертваго города, въ которомъ я работалъ двѣ недѣли. Херсонесъ мертвъ, и онъ съ трудомъ воскресаетъ подъ ударомъ лопатъ рабочихъ, производящихъ въ немъ раскопки, подъ перомъ ученыхъ, изучающихъ его памятники, добытые этими раскопками.

Лишь теперь—впервые—я посѣтилъ Херсонесъ. Безотрадное впечатлѣніе оставляютъ его развалины. Откопано лишь нѣсколько улицъ,

но много домовъ разрушенныхъ совершенно и заваленныхъ: открыто много базиликъ, часовенъ, но тоже въ разрушенномъ видѣ и вновь брошенныхъ на произволъ, за немногими исключеніями... И вотъ ходишь по улицамъ, взлазишь на стѣны домовъ, бродишь по основаніямъ базиликъ—подъ жгучимъ, палящимъ солнцемъ—пытаешься оживить фантазіей эти развалины – вызвать въ живомъ образѣ прошлое города—и увы—фантазія отказываетъ тебѣ въ этомъ. Слишкомъ слабы остатки прошлаго, или вѣрнѣе—слишкомъ печальна ихъ обстановка, ихъ сохранность. Печальная книга Русская Помпея—и еще нескоро она заслужитъ по справедливости это названіе. Херсонесъ не бѣденъ памятниками: загляните въ музей—что тамъ дѣлается; но онъ бѣденъ вниманіемъ къ своимъ развалинамъ, къ тому, что заключается въ нихъ.

Ежедневно по морю въ лодкѣ совершаю путешествіе въ этотъ унылый городъ и отдыхаю лишь въ его музеѣ, въ его нѣсколькихъ церквахъ, сохранившихъ въ цѣлости мозаичныя украшенія. Масса памятниковъ, но разрушенныхъ—сохранилась отъ сихъ церквей—главнымъ образомъ скульптуры: барельефы, колонны, капители и т. п.

Изучая ихъ, видишь, что Херсонесъ, не былъ бѣденъ, что онъ жилъ культурной жизнью. Его культура оказывала вліяніе и на нашу древнюю Русь.

Живя здѣсь, вспоминаю о своихъ близкихъ и подъ этимъ воспоминаніемъ пишу Вамъ, дорогой Николай Ѳеодоровичъ!

Въ началѣ іюля, вѣроятно, вернусь въ Харьковъ, а затѣмъ побываю въ Васищевѣ, гдѣ Вашъ крестникъ все еще временами побаливаетъ.

Сердечный привѣтъ Вашему семейству. Душевно преданный Вамъ *Е. Рѣдинъ.*

Харьковъ 4 іюля 1904 г.

Дорогой Николай Ѳеодоровичъ!

Вотъ уже дня 4, какъ я чувствую себя почти совсѣмъ хорошо. Только еще много ходить не могу и долго стоять. Но настроеніе въ общемъ гораздо лучше, чѣмъ прежде, и бодрѣе смотрю на свѣтъ Божій. Одушевляюсь и для работы и дѣлаю кое-что.

Но съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстія о днѣ отъѣзда. Хочется посмотрѣть на море и подышать его живительнымъ воздухомъ, полюбоваться его красотами...

Почувствовавъ лучше, былъ уже нѣсколько разъ у своихъ на дачѣ. Сынокъ, мой, а Вашъ крестникъ поправляется, цѣлые дни проводитъ

на воздухѣ и даже загорѣлъ. Но капризенъ по прежнему и все отдаетъ приказанія [1]).

Примите сердечный привѣтъ отъ него (моими устами) и отъ его матушки, столь усердно ухаживающей за единственнымъ сыночкомъ...

Желаю отъ всей души отдохнуть Вамъ отъ всѣхъ городскихъ думъ и заботъ въ своемъ тихомъ, поэтическомъ хуторочкѣ, съ вишневыми садами, прудомъ, съ полями и лугами, и съ живоноснымъ молочкомъ и всѣми тѣми прелестями, что выходятъ изъ рукъ хозяйки хуторочка и ея помощницъ... Вашему юношѣ Петѣ, привѣтъ (онъ это лѣто навѣрно хорошо себя чувствуетъ), Вашей милѣйшей дочери — украинкѣ Марусѣ (Маріѣ Николаевнѣ) также особый привѣтъ (на чемъ она играетъ въ лунныя ночи? жаль, что у Васъ нѣтъ въ хуторѣ рояля). И наконецъ Сергѣю Николаевичу, Вашему скромному Сережѣ также особый привѣтъ.

Кіевъ 7 іюля 1904 г.

Дорогой Николай Ѳеодоровичъ!

Шлю сердечный привѣтъ Вамъ и Вашему семейству.

Я въ древней великокняжеской столицѣ, матери русскихъ городовъ Кіевѣ. Съ чувствомъ благоговѣнія подъѣзжалъ я къ нему, и приходилъ въ восторгъ, любуясь его замѣчательнымъ поэтическимъ мѣстоположеніемъ, тѣмъ видомъ, что открывался на него...

Чудный широкій Днѣпръ, а на берегу горы въ зелени, и среди нея въ различныхъ мѣстахъ церкви съ златоглавыми куполами... Поѣздъ взобрался на гору, и ты видишь уже весь городъ. Онъ раскинулся по отдѣльнымъ горамъ. Въѣзжаешь въ него и поражаешься чистотѣ его улицъ, красотѣ и величинѣ его зданій, обилію зелени, обилію всевозможныхъ заведеній, магазиновъ, и оживленности.

Въ Кіевѣ я былъ лишь лѣтъ 16 тому назадъ и потому получаю отъ него впечатлѣнія, какъ отъ впервые посѣщаемаго города.

Богатство города и оживленность настолько велики, что часто забываешь, что ты въ провинціальномъ городѣ. Такъ и кажется, что ты въ Москвѣ или Петербургѣ.

Съ вокзала я проѣхалъ въ гостиницу, гдѣ остановился Д. В. Айналовъ и поселился вмѣстѣ съ нимъ.

---

[1]) Боюсь, какъ бы еще изъ него не вышелъ воякa... А горе нашимъ воякамъ и жаль ихъ вмѣстѣ съ бѣдной нашей родиной.

Свою работу начали посѣщеніемъ Десятинной церкви, построенной въ 30-хъ годахъ XIX в. на мѣстѣ и на фундаментахъ старѣйшей Кіевской церкви, относящейся ко временамъ св. Владиміра. Въ настоящее время въ церкви производится ремонтъ. При раскапываніи пола наткнулись на нишу, заложенную кирпичемъ. По вскрытіи ея нашли громадный каменный гробъ (саркофагомъ назвать его нельзя, такъ какъ всѣ четыре стѣнки самостоятельны и не скрѣплены одна съ другой плотно, а лишь приставлены) — одинъ изъ тѣхъ двухъ гробовъ, которые до постройки новой церкви были открыты въ 1825 г. въ основаніяхъ древней, и отнесены были къ гробницамъ св. Владиміра и св. Ольги. Но не смотря на это отнесеніе—гробницы не увидѣли свѣта: онѣ были закопаны вновь. И вотъ теперь вновь открыта одна изъ этихъ гробницъ, приписываемая св. Владиміру. Она уже болѣе не будетъ закрыта; къ ней будетъ сдѣланъ доступный ходъ.

Гробница-ли это Владиміра — вопросъ и большой; но она несомнѣнно весьма древняя и представляетъ большой интересъ.

Я и Айналовъ осмотрѣли эту гробницу, много повозились около нея; громадныхъ трудовъ стоило фотографированіе ея—на помостѣ; но я сомнѣваюсь, чтобы что-нибудь вышло: темно, и аппаратъ нельзя далеко отодвинуть.

Изъ Десятинной церкви направились въ Златоверхо-Михайловскій монастырь и здѣсь на наружной стѣнѣ увидѣли два древнихъ рельефа (св. воины на коняхъ), которые также сфотографированы.

Вошли во внутрь церкви, современной св. Софіи (Кіевской) и копирующей ея планъ, ея украшенія (мозаики) и съ хоръ любовались на алтарную мозаику XI в., изображающую Евхаристію, на мозаику на столбахъ тріумфальной арки и древнія фрески на тѣхъ-же столбахъ.

14 лѣтъ тому назадъ студентами мы были въ этомъ храмѣ, смотрѣли на живопись и не видѣли многаго того, что теперь увидѣли. Какъ мѣняется пониманіе глаза съ развитіемъ его въ наблюденіи надъ извѣстными предметами.

Долго мы пробыли на хорахъ; все возились надъ фотографированіемъ. Трудно примѣниться къ условіямъ освѣщенія, а равно къ разстоянію отъ снимаемыхъ изображеній.

Усталые вернулись въ гостиницу, оставили аппаратъ и въ ресторанѣ на Крещатикѣ—пообѣдали.

Крещатикъ!... Это Невскій Петербурга. Я въ восторгѣ отъ всего, что вижу на немъ и вообще въ Кіевѣ. Послѣ обѣда прогулялись по Крещатику и вернулись домой. День былъ отчасти холодный и съ силь-

нымъ вѣтромъ. Былъ уже вечеръ. Чаепитіе долго продолжалось съ бесѣдой—о жизни Айналова въ СПБ., съ воспоминаніями о прошлой нашей жизни.

Закончили вечеръ чтеніемъ архивнаго дѣла, взятаго нами у свящ. Десятинной церкви, о находкахъ въ фундаментахъ древней церкви.

---

8 іюля (четвергъ).

Какой изящной красоты Андреевская церковь! Высокая, стройная съ красивыми колоннами. Я любовался на нее, проѣзжая мимо по спуску на Подолъ. Цѣлое утро мы провели въ музеѣ Духовной Академіи. Чего только нѣтъ въ этомъ музеѣ! Какія собраны здѣсь богатства по различнымъ отдѣламъ древностей, памятниковъ искусства. Наиболѣе богатъ церковный отдѣлъ... Вотъ идеалъ, котораго долженъ былъ бы въ моихъ мечтахъ достигнуть такого рода музей у насъ въ Харьковѣ.

Только въ 3 часа мы попали въ Софіевскій соборъ—лучшую и замѣчательнѣйшую церковь Кіева, дошедшую до насъ отъ XI вѣка въ довольно хорошей сохранности со своими мозаиками, фресками.

Посѣщеніе этой церкви вызвало во мнѣ пріятныя воспоминанія о томъ времени, когда я съ Айналовымъ, студентами на послѣднемъ курсѣ работали въ ней, посѣщали ее ежедневно болѣе двухъ недѣль и внимательно описывали ея живопись.

Какъ намъ дорогъ былъ этотъ памятникъ русско-византійскаго искусства, который мы, юноши, впервые видѣли воочію и впервые должны были подвергнуть научному изслѣдованію. И я съ истиннымъ удовольствіемъ осматривалъ давно знакомые художественные образы, тѣ или иные предметы. Мнѣ такъ много говорилъ этотъ дивный, величественный образъ Богородицы въ абсидѣ, этотъ Христосъ-Вседержитель въ куполѣ, эти фрески со скоморошьими играми и многими любопытными сюжетами, что идутъ по стѣнамъ лѣстницъ, ведущихъ на хоры храма.

Мы занимались сегодня въ крещальнѣ церкви, прежде намъ неизвѣстной и служащей нынѣ музеемъ. Тутъ собраны мраморы—колонны, нѣсколько чудныхъ капителей, вѣроятно времени Владиміра, т. е. вѣка X. На стѣнахъ крещальни остались фрагменты фресокъ, но очень плохой сохранности, и всѣ наши труды снять ихъ, повидимому (еще не проявили), были напрасны.

Погода сегодня мягче и вечеромъ мы отправились погулять. Мы на вершинѣ той горы, на которой стоитъ памятникъ св. Владиміру. Здѣсь разбитъ садъ и устроены аллеи для гулянья. И Кіевляне поль-

зуется этимъ мѣстомъ: здѣсь ихъ множество гуляетъ и любуется видомъ, открывающимся на Днѣпръ. Чуденъ этотъ видъ, типиченъ! На далекое пространство виденъ въ одну и другую сторону Днѣпръ со множествомъ ѣдущихъ по немъ пароходиковъ. По обѣимъ сторонамъ берега тянутся красиво огоньки... Влѣво виденъ обширный Подолъ—одна изъ частей древняго города, со множествомъ церквей. Видъ—не только типиченъ, но и грандіозенъ и временами забываешь, что ты видишь внизу рѣку, тебѣ кажется, что это море, тянущееся до самого синѣющаго вдали горизонта.

Любуясь и наслаждаясь чѣмъ-нибудь хорошимъ, всегда вспоминаешь о родномъ—какъ пунктѣ сравненія.

Вспоминалъ я и нашъ бѣдный, но все-же милый Харьковъ... Онъ очень и очень бѣденъ по сравненію съ этой южной-красавицей, пережившей уже столько вѣковъ и не старѣющей, а все болѣе и болѣе пышно разцвѣтающей—Кіевомъ. Если бы у нашего Харькова была бы такая-же рѣка, если бы у него было столько же зелени, такія-же улицы, площади, такія зданія.

Пятница 9-го.

Опять работа въ крещальнѣ Софіевскаго собора, на хорахъ Златоверхо-Михайловскаго монастыря и послѣ обѣда—посѣщеніе Лавры

Электрическій трамвай дѣлаетъ здѣсь чудеса, перенося васъ такъ удобно и быстро на далекія разстоянія. Съ помощью трамвая мы скоро попали въ Лавру, находящуюся уже за городомъ. Отъ трамвая приходится пройти еще длинную улицу, мимо укрѣпленій времени Николая I; тутъ-же тянутся лавченки со спеціальнымъ товаромъ—иконами, крестиками, амулетами и т. п., назначенными для паломниковъ—нашего бѣднаго и дѣйствительно темнаго, какъ онъ самъ о себѣ выражается, народа. Онъ несетъ свои лучшія чувства—вѣру, любовь, благоговѣніе къ святынѣ, а что онъ получаетъ? Что онъ видитъ здѣсь? Что здѣсь съ него прежде всего требуютъ? Какъ съ нимъ обращаются?

Алчность, сребролюбіе—вотъ божество тѣхъ жрецовъ, что стерегутъ здѣсь святыню. Грубость, невѣжество—вотъ ихъ высшія качества, и съ этими качествами соотвѣтствующимъ образомъ они встрѣчаютъ бѣдный, «забитый» народъ. Любовь къ близкимъ! какъ хорошо проявили наши монастыри эту любовь въ переживаемую нашей родиной тяжелую годину войны. Много-ли мы слышимъ о ихъ пожертвованіяхъ? А вѣдь такіе монастыри, какъ Кіевская Лавра, или Московская Троица—милліонеры.

Въ Лаврѣ намъ надо было увидѣть двѣ древнихъ плиты съ рельефными изображеніями Вакха, везомаго на колесницѣ двумя львами и Самсона, раздирающаго пасть льву. И сколько труда и времени пришлось потратить, чтобы узнать—гдѣ эти рельефы. Не знать ихъ трудно, т. к. они вставлены въ стѣну снаружи зданія. Мы спрашивали многихъ монаховъ—одни не отвѣчаютъ, а другіе ничего не знаютъ. Послѣ блужданій туда, сюда— отъ отца библіотекаря, къ отцу ризничему и т. п., узнали, что они вставлены въ стѣну надъ воротами типографіи. Побѣда! Увидѣли, сфотографировали. Но посѣтить ризницу—не удалось: вечерня, канунъ большого праздника... Что-же дѣлать? У каждаго своя служба, свои идеалы...

Сегодня пріѣхала изъ Чернигова супруга Айналова и вечеромъ втроемъ мы гуляли въ прекрасномъ саду «Шато де флеръ», расположенномъ по горѣ, у Днѣпра—съ тѣмъ же чуднымъ видомъ на него, который открывается и съ горы памятника св. Владиміра. Въ саду играетъ прекрасный струнный оркестръ, подъ управленіемъ директора филармоническихъ оркестровъ чешскаго въ Прагѣ и польскаго во Львовѣ Л. В. Челанскаго. Но народу, слушающаго музыку, мало: прохлада очень сильная, не соотвѣтствующая времени.

Садъ очень красиво убранъ, и въ немъ дѣйствительно много цвѣтовъ, живописно расположенныхъ, изящно обрамляющихъ изгибы его.

Вернулись домой, и длинная бесѣда о прошломъ.

Завтра оканчиваемъ работу, собираемся посѣтить церковь въ Вышгородѣ, если только найдемъ удобнымъ идти туда и завтра-же, или въ Воскресенье направимся въ Севастополь.

Поѣздка въ Вышгородъ, село, расположенное въ 15 в. отъ Кіева, удалась: мы наняли экипажъ и совершили прекрасную прогулку. Но археол. результаты ничтожны: сняли фотографію съ древней (XI—XII в.) гробницы, похожей на гробницу въ Десятинной ц.

Сегодня въ Воскресенье (11) въ 6 ч. вечера мы выѣзжаемъ въ Севастополь.

Херсонесъ 1904 г.

Дорогой Николай Ѳеодоровичъ!

Шлю сердечный привѣтъ Вамъ и всему Вашему семейству.

Очень часто вспоминаю о Васъ, и занося свои дневныя впечатлѣнія—какъ бы бесѣдую съ Вами. Извините, если въ этой бесѣдѣ иногда очень кратокъ и сухъ.

Вчера въ полдень мы пріѣхали въ Севастополь. Дорога отъ Кіева была трудна; въ вагонахъ было душно и первую ночь я спалъ мало. Большую часть времени въ дорогѣ мы проводили въ чтеніи газетъ, которыхъ я накупилъ много, и петербурскаго, и московскаго, и кіевскаго, и харьковскаго издѣлія... Въ большинствѣ повторяется всё одно и то-же.

По пріѣздѣ, пообѣдавъ, стали искать квартиру. Осмотрѣли весь районъ около набережной; нашли множество комнатъ, но все мало подходящихъ. Ходили до вечера и сильно устали.

Сегодня съ утра продолжили свои изысканія, и, наконецъ, нашли—въ частной квртирѣ: Айналовъ съ супругой въ бель-этажѣ, а я въ верхнемъ этажѣ. Моя комната, не смотря на то, что она дешевле (20 р. въ мѣсяцъ, а ихъ 25 р.), оказалась лучше, чище и видъ изъ оконъ на море красивѣе. Домъ стоитъ у набережной, и потому море совсѣмъ близко, и мы дышемъ имъ, любуемся имъ. А есть чѣмъ любоваться! Въ немъ такъ много красоты, поэзіи... Отъ него идетъ такая свѣжесть—бодрящая, подымающая энергію, что отъ него нельзя не придти въ восторгъ, восхищеніе...

Дни стоятъ жаркіе; солнце прямо таки жжетъ, и тѣмъ не менѣе чувствуется на улицѣ нѣкоторая прохлада, конечно, идущая отъ моря. Особенно хорошо здѣсь теперь утромъ и вечеромъ.

Въ Херсонесъ мы успѣли собраться только подъ вечеръ. Сегодня канунъ храмового праздника въ монастырѣ (св. Владиміръ), и между городомъ и монастыремъ ходятъ параходики. На параходикѣ мы и совершили поѣздку. Была мертвая качка и параходъ подбрасывало высоко. Пріятное ощущеніе, пока дѣло ограничивается этимъ. Пріѣхали и прямо въ музей къ завѣдывающему раскопками. Съ нимъ длинная бесѣда о новѣйшихъ находкахъ. Видѣли огромную его семью съ сыновьями, дочерьми, внуками, внучками, и гостьми (человѣкъ около 20)—все молодежь!..

Вернулись къ 10 ч., и отправились гулять въ садъ, что на берегу моря; здѣсь играетъ струнный оркестръ, къ сожалѣнію, состоящій исключительно изъ матросовъ (лишь 2 скрипки и 1 віолончель—штатскіе). Оркестръ играетъ хорошо, но не художественно.

Четвергъ 15-го.

Пишу эти строки въ полночь, вернувшись съ прогулки. Что за чудная ночь! Тихая, свѣтлая (свѣтитъ луна), прохладная... Луна освѣщаетъ горы, море, бульваръ съ его южной растительностью и придаетъ всему поэтическій отпечатокъ. И безъ луннаго освѣщенія все такъ кажется прекраснымъ при этомъ морѣ, составляющемъ лучшее украшеніе

Севастополя; лунное же освѣщеніе еще сильнѣе оттѣняетъ красоту всей обстановки.

Мнѣ, харьковцу, не избалованному красотами природы, привыкшему къ сѣроватой, убогой обстановкѣ города,—эта представшая здѣсь предо мной картина—съ видомъ моря на заднемъ планѣ—кажется фантастичной, чуднымъ соннымъ видѣніемъ. А между тѣмъ это—настоящая дѣйствительность. Я сейчасъ только что стоялъ у окна своей комнаты и любовался моремъ, я сейчасъ слышу шумъ отъ прибоя волнъ его къ берегу; я сейчасъ вижу огоньки на пароходахъ на противоположномъ берегу — у знаменитой Константиновской батареи... Я дышу прохладой моря, его свѣжестью, я чувствую себя бодрымъ. Мнѣ такъ пріятно, хорошо... Жаль только, что со мной нѣтъ моихъ дорогихъ, близкихъ. Сегодня въ виду большого праздника въ Херсонесѣ мы не ѣздили туда, а занимались дома, подготовляясь къ работѣ.

Послѣ обѣда и вечеромъ много гулялъ по бульвару; встрѣтилъ д-ра Баранникова съ семьей. Оркестръ играетъ плохо: сегодня былъ духовой; силы онъ громадной, но что за исполненіе, что за выборъ пьесъ! Всё казарменное и словно для слушателей изъ казармы. Послѣ струнной артистической музыки это прямо таки понижаетъ художественный вкусъ...

Пятница 16-го.

На большой лодкѣ, подъ парусомъ мы направились къ Херсонесу, другой предполагаемой колыбели земли Русской, пріобщившейся здѣсь въ лицѣ В. К. Владиміра къ церкви христіанской. Мы выѣхали изъ Артиллерійской бухты и все время держались лѣвой стороны, представляющей высокій выступъ съ устроенными на нихъ батарреями. Здѣсь теперь происходитъ старательное ученіе стрѣлковъ изъ пушекъ. Выстрѣлы то и дѣло раздаются, и заряды летятъ, можно сказать, надъ нашими головами. Но они летятъ очень высоко и потому безопасно. Но мы вообще мало обращаемъ вниманія на пальбу. Мы обращаемъ главное вниманіе на море, на его оттѣнки, на его волны и постоянное движеніе Какъ пріятна ѣзда на лодкѣ въ морѣ! Кругомъ тебя просторъ; отъ воды вѣетъ прохладой, дышется такъ легко, свободно, и не замѣчаешь, не чувствуешь солнца, такъ сильно дающаго знать о себѣ на сушѣ.

Древній Херсонесъ... Вотъ онъ на горѣ, занимающій полуостровъ—весь въ развалинахъ; центръ развалинъ заняла новѣйшая церковь св. Владиміра и постройки монастыря. Мы идемъ на развалины, посѣтить знаменитую базилику, впервые открытую въ 1853 г. гр. Уваровымъ,

рядомъ съ ней находящуюся крещальню. Солнце печетъ и жжетъ. Кругомъ сѣро и однообразно: запущенныя развалины, съ бурьяномъ разросшимся на нихъ и заполонившимъ ихъ.

Въ воздухѣ то и дѣло слышны сильные удары и взвизгиванія отъ летящихъ въ море зарядовъ, пускаемыхъ артиллеристами, учащимися стрѣльбѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ виднѣются холмы укрѣпленій съ грозными пушками; по холму ходитъ часовой съ ружьемъ. Внизу недалеко синѣющее море, ударяющее волнами о берегъ Херсонеса и постепенно разрушающее ихъ съ развалинами древняго города.

Выстрѣлы изъ пушекъ напоминаютъ тебѣ о далекомъ краѣ, гдѣ раздаются такіе же выстрѣлы (т. е. о Манжуріи), но несущіе смерть нашимъ братьямъ. И выстрѣлы, и солнце, и хожденіе по развалинамъ утомляютъ меня, и я сажусь на остатки стѣнъ на камни базилики Уварова.

Я вспоминаю о родномъ домѣ, о семьѣ, дорогомъ сынѣ. Я успокоился, отдохнулъ. Выстрѣлы умолкли. И наша работа по осмотру, изученію развалинъ стала доставлять мнѣ удовольствіе, и самая картина развалинъ предстала въ полномъ свѣтѣ, болѣе привлекательномъ, заставляющемъ работать воображеніе.

Около 5 час. вечера мы вернулись въ Севастополь, довольные результатами своей работы. Вечеромъ гуляли по бульвару, любовались моремъ, а ночью занимались, подготовляя матеріалъ для занятій слѣдующаго дня.

Суббота 17-го.

Печальный и мрачный сегодня день. Уже съ утра хмурило, а къ 11 часамъ пошелъ дождь, ливній до самаго вечера. Утромъ до дождя мы проѣхали въ Херсонесъ на лодкѣ, но обратно принуждены были вернуться въ фаэтонѣ: море бушевало; на утломъ челнѣ было опасно пускаться въ него. Заниматься пришлось больше надъ книгами, т. к. подъ дождемъ, при холодномъ вѣтрѣ гулять по развалинамъ невозможно.

Воскресенье 18-го.

Чудный, тихій, теплый день! послѣ вчерашняго дня—прелесть настоящаго особенно чувствуется. И что за прекрасное мѣсто посѣтили мы на развалинахъ. Далеко за монастыремъ, въ самомъ концѣ (за паркомъ) древняго города, у стѣнъ, у морского берега—находится большая базилика, по типу архитектурному, по величинѣ приближающаяся къ Уваровской базиликѣ. Съ основанія абсида, боковые придѣлы, и находя-

щаяся сзади ея часовня надъ усыпальницей—прекрасно сохранились, и по нимъ можно составить прекрасное понятіе о древне-христіанской и византійской базиликѣ вообще и въ частности—о Херсонесскихъ базиликахъ.

Эта базилика въ своихъ развалинахъ содержится въ порядкѣ, въ чистотѣ, ни одна часть не завалена, и вотъ въ такомъ порядкѣ должны бы содержатся всѣ развалины Херсонесса А этого къ сожалѣнію нѣтъ. Открытое, вскрытое или засыпается, или бросается на произволъ природы и людей и въ результатѣ оно разрушается, загрязняется, и предъ нами предстаютъ не научно произведенныя раскопки, а грабительскія, преслѣдуя одну цѣль добычи побольше вещей. Такъ когда то велись раскопки Помпеи, но теперь уже давно это оставлено и раскопка ихъ ведется научно, прежде всего заботятся о возстановленіи города, о сохраненіи найденныхъ памятниковъ въ томъ видѣ, какъ они были открыты. Да, намъ далеко до запада во всемъ.

Базилика, какъ я сказалъ, далеко отъ всѣхъ другихъ развалинъ, у городскихъ стѣнъ, у моря. Поэтическую картину представляютъ развалины ея, этихъ стѣнъ съ башнями, съ заложенными воротами, и съ этимъ моремъ, здѣсь предстающимъ особенно прекраснымъ, восхитительнымъ въ своемъ просторѣ. въ своихъ переливахъ цвѣтовъ... Чудное мѣсто! Мы долго сидѣли у стѣнъ города, любуясь на общую картину руинъ и на море. Не хотѣлось уходить, не хотѣлось ни о чемъ говорить, и только хотѣлось сидѣть, любоваться и мечтать. И нигдѣ такъ мечты не посѣщаютъ тебя, какъ въ поэтической обстановкѣ, и нигдѣ такъ сильно не ощущается отсутствіе того, въ чемъ чувствуешь потребность, что для тебя дорого, необходимо...

Вечеромъ гуляли по Нахимовскому бульвару. Масса народу гуляющаго, особенно моряковъ, все шествующихъ въ сообществѣ съ женскимъ поломъ. Удивительное проявленіе нѣжности: идутъ, держась за руки.

Были у Графской пристани и любовались на море, напоминающее въ данномъ мѣстѣ Венеціанскій Большой Каналъ съ снующими по нему гондолами—вечеромъ, ночью...

Встрѣтилъ на улицѣ бывшую хозяйку дома на Старомосковской ул., гдѣ я жилъ и дѣвушку—зубного врача—изъ Харькова. Удивительно—какъ радушна бываетъ встрѣча въ чужомъ городѣ земляковъ хотя бы и мало знакомыхъ на родинѣ!

Получилъ сегодня отъ Васъ милое, любезное, интересное письмо, сильно обрадовавшее меня, доставившее истинное удовольствіе. Сердечно благодарю за него.

Понедѣльникъ 19-го.

Уже нѣсколько разъ посѣщаемъ базилику съ прекрасной мозаикой на полу. Любопытная особенность этой базилики та, что она заключаетъ въ себѣ наслоеніе двухъ: одной древней обширной и другой болѣе новой уменьшенной такъ что видны двѣ абсиды; колонны древней употреблены въ качествѣ матеріала для образованія основаній, на которыхъ въ два ряда ставятся колонны; послѣдними обыкновенно базилика раздѣляется на 3 части.

Въ Херсонесѣ много большихъ базиликъ, но еще больше маленькихъ церквей и часовень. Особено интересны часовни, построенныя надъ усыпальницами, служившими таковыми для цѣлой семьи, фамиліи.

Эти часовни любопытной архитектуры, нѣсколькихъ типовъ. Многія изъ нихъ въ свое время, при открытіи ихъ, были прекрасной сохранности... И лишь наша русская халатность допустила, чтобы эти прекрасные памятники пришли въ почти полное разрушеніе и загрязненіе. Грабители мы, а не ученые открыватели древностей... Вытащили вещи, разрушили могилы, своды, лѣстницы и ни о чемъ болѣе не заботимся. Главное хоть бы въ свое время снятъ былъ надлежащій планъ, фотографіи, хоть бы все это было издано, описано. А то ни вѣрнаго плана, ни фотографій; однѣ развалины. Узнавай самъ, если хочешь, что было. Пренебреженіе къ памятникамъ поразительное и прямо преступное...

Вечеромъ были на Графской пристани. Феерическая картина! Оба берега освѣщаются время отъ времени электрическимъ свѣтомъ съ военныхъ судовъ, производящихъ ученіе—пріобрѣтенія навыка наводить освѣщеніе на предметы.

Вечера чудные. Хорошо гулять и по городу, и у морского берега. Дышется легко; прохладно, и не хочется идти домой, хотя у меня изъ оконъ видно и море, и почти всѣ пристани, и слышенъ прибой морскихъ волнъ.

Сегодня я получилъ множество писемъ и очень радъ доброй памяти обо мнѣ.

Вторникъ (20) Среда (21).

И сегодня и вчера продолжали осмотръ храмиковъ, часовенъ, выстроенныхъ надъ усыпальницаи и все поражались и красотой ихъ, и ихъ обиліемъ.

Да, хорошо, можно сказать— христіанская русская Помпея; только мы не умѣемъ ни открывать ее, ни еще менѣе сберегать открытое...

Для осмотра церквей приходится очень много ходить по развалинамъ, и я сегодня и вчера чувствовалъ большую усталость. А тутъ еще жгучее солнце... Я сильно уже загорѣлъ.

Четвергъ (22 іюля).

Сегодня мы почти закончили обзоръ всѣхъ открытыхъ базиликъ, часовенъ; завтра посѣтимъ интересный загородній храмъ съ мозаиками, займемся затѣмъ фотографированіемъ. Сегодня до 8 ч. веч. мы не уѣзжали въ городъ, т. к. по случаю имянинъ жены завѣдывающаго раскопками были приглашены на обѣдъ, и послѣ долго сидѣли —всѣ у моря, у развалинъ музея, и бесѣдовали на тему о войнѣ. Гостей много было— дѣвицы, офицеры. Обратный проѣздъ вечеромъ по морю особенно былъ пріятенъ, хотя море и не совсѣмъ было спокойно.

Пятница (23 іюля).

Тяжелый день! Съ утра отправились въ Херсонесъ за стѣны древняго города въ мѣсто, гдѣ расположено древнее кладбище. Здѣсь въ 1902 г. открыта церковь крестовидной формы, довольно хорошей сохранности съ замѣчательной мозаикой на полу—VI вѣка. Такое громадное пространство мозаики и такая хорошая сохранность стѣнъ церкви, хотя здѣсь, почти исключительно для Херсонеса, а потому понятно, какое значеніе имѣлъ этотъ памятникъ для христіанской археологіи вообще и для исторіи памятниковъ искусства въ Херсонесѣ въ частности. Нужно прибавить еще, что подъ церковью и другими зданіями вокругъ нея— устроены катакомбы, которыми сначала пользовались язычники, а позже христіане; множество памятниковъ найдено и въ храмѣ и вокругъ него въ могилахъ, вырубленныхъ въ скалахъ. Мы много возились и въ храмѣ, надъ которымъ теперь устроена деревянная крыша для предохраненія отъ поврежденія мозаики, и снаружи, осматривая все подробно и фотографируя. Послѣ этого храмика посѣтили рядъ другихъ, все фотографируя, и довольно далеко отъ батареи получили запрещеніе вообще

снимать безъ разрѣшенія. Явился жандармъ и сказалъ, что онъ можетъ насъ арестовать, что надо получить разрѣшеніе отъ коменданта крѣпости.

Тутъ, при бесѣдѣ нашей былъ завѣдывающій раскопками. Мы выражали свое удивленіе. Странное дѣло — завѣдующій, какъ хозяинъ раскопокъ, разрѣшаетъ фотографировать, а жандармъ — именемъ коменданта не разрѣшаетъ. Кто же настоящій хозяинъ? Признаюсь — насъ очень поразило поведеніе самого завѣдывающаго, не давшаго должнаго отпора глупому жандарму, не понимающему ни своихъ обязанностей, ни того, что ему говорятъ и объясняютъ.

Вечеромъ въ Севастополѣ встрѣтили проф. Завитневича, который будетъ заниматься древностями Херсонеса, имѣющими сходство съ курганами. Онъ ѣдетъ теперь съ молодой женой въ Ялту.

Суббота и воскресенье (24—25 іюня).

Вчера цѣлый день ушелъ на хлопоты добывать разрѣшенія фотографировать развалины. Были у коменданта крѣпости, въ штабѣ и, наконецъ, получили! О, какіе мы молодцы въ формализмѣ! Мы тутъ строги... а въ серьезномъ дѣлѣ у насъ халатность, лѣнь и обманъ... Сегодня отчаянно жаркій день. Солнце палитъ невыносимо и прогулка по развалинамъ прямо подвигъ. А намъ все приходится фотографировать развалины, таскать аппаратъ, и въ довершеніе негдѣ утолить жажду.

Понедѣльникъ — вторникъ (26 —27).

Солнце, жгучее солнце!.. Какъ оно сильно даетъ знать о себѣ. Подъ его палящими лучами мы всѣ ходимъ по развалинамъ и фотографируемъ базилики, часовни смѣло и храбро, съ разрѣшеніемъ въ карманѣ. При фотографированіи вблизи батареи — на насъ кричатъ солдаты, подходятъ съ ружьемъ, мы вынимаемъ разрѣшеніе, и они болѣе или менѣе успокаиваются. Четыре батареи (на самихъ развалинахъ) ничтожныя и, повидимому, мнимая защита, а сколько изъ за нихъ непріятностей...

Среда (28).

Начали занятія въ музеѣ. Здѣсь въ тѣни, подъ крышей, чувствуется легче. Но эта громада мрамора, перетащеннаго сюда безъ всякаго порядка изъ базиликъ, часовенъ, подавляетъ тебя. Ты не можешь въ ней оріентироваться, т. к. всякіе слѣды о происхожденіи ихъ изъ той или иной церкви утеряны. Уѣхали въ городъ раньше, такъ какъ Айналову нездоровилось.

Душевно преданный весь Вашъ *Е. Рѣдинъ.*

Одесса 9 августа 1904 г.

Дорогой Николай Ѳеодоровичъ!

Покинувъ Севастополь, я направился въ Одессу, гдѣ обитаю уже три дня. Съ какимъ удовольствіемъ я хожу по прекраснымъ улицамъ этого города, южной красавицы Россіи, любуюсь его монументальными художественно отдѣланными зданіями, его роскошными магазинами, многочисленными скверами, и дивнымъ моремъ.

Гуляя по улицамъ, посѣщая извѣстныя мѣста, я переживаю вновь тѣ лучшія чувства своей, увы, невозвратной юности, которыя я переживалъ здѣсь, будучи студентомъ Университета. Съ чувствомъ благоговѣнія подходилъ я теперь къ своей дорогой alma mater и съ грустью, но и съ благодарной памятью вспомнилъ о дорогомъ—учителѣ—человѣкѣ, отъ котораго такъ много получилъ въ стѣнахъ ея...

Стоя у подъѣзда университета, я вспомнилъ о мечтахъ и грезахъ своей юности, о своихъ идеалахъ... Достиженіе идеала трудно и не всѣ мечты осуществились, да и назначеніе мечтѣ—въ наслажденіи ея самою по себѣ. На мѣсто одной являются другія. Но лучшее, дорогое, что связано съ этими мечтами—не исчезаетъ оно—основа жизни.

Объ этой основѣ въ поэтической окраскѣ юности я и вспоминалъ теперь такъ живо—у дверей университета, ходя вокругъ него.

Эти три дня, проведенные мною здѣсь, доставили много счастья и своимъ настоящимъ—созерцаніемъ—прекраснаго культурнаго города, и своимъ прошлымъ—воспоминаніемъ о жизни въ годы студенчества... Но съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ я стремлюсь возвратиться въ свой городъ, гдѣ обрѣлъ я милыхъ и дорогихъ моему сердцу людей, чтобы въ общеніи съ ними дѣлать дорогое дѣло по мѣрѣ силъ и способностей....

Никого изъ своихъ старыхъ знакомыхъ по университету я не засталъ въ городѣ: всѣ въ разъѣздѣ. Нашелъ лишь Попруженко, у котораго обѣдалъ и провелъ чудный вечеръ на берегу моря—на Большомъ фонтанѣ у него на дачѣ.

Сегодня, вѣроятно, закончу свои дѣла въ музеѣ Общества Исторіи и Древностей, и возвращусь домой. Я уже погулялъ достаточно, пора полюбоваться и своимъ роднымъ городомъ!..

Въ надеждѣ на скорое свиданіе, желая Вамъ, всего лучшаго, прося передать сердечный привѣтъ всему Вашему семейству, остаюсь душевно преданный и любящій Васъ, Вашъ *И. Рыдинъ.*

Дорогой Николай Ѳеодоровичъ!

Я всё никакъ не соберусь зайти къ Вамъ, занятый личными дѣлами, а Вы вѣроятно, очень сильно заняты общественными, или вѣрнѣе государственными дѣлами. Ходятъ слухи, что Вы подготовляете что-то страшное, но пріятное по результатамъ, что Вы конкуррируете съ комитетомъ министровъ. Какая досада, что сегодня не могу зайти къ Вамъ— обѣщалъ быть дома! Хотѣлось бы узнать хоть что-нибудь отъ Васъ, какъ отъ одного изъ героевъ... Но узнаю-же всё и свѣрю... А пока пожалуйста подѣлитесь со мной газетой «Наши Дни»: Я такъ и не получаю, не смотря на то, что подписался. Мнѣ *необходимо* имѣть, начиная съ № 24. Пожалуйста исполните просьбу человѣка, жаждущаго новостей зажигательныхъ, но сидящаго въ своей клѣтушкѣ всего только около зажигательной печки.

Душевно преданный Вашъ *Е. Рѣдинъ.*

31-го янв. 1905.

Дорогой Николай Ѳеодоровичъ!

Татьяна Николаевна и я шлемъ сердечный привѣтъ Вамъ и искреннее поздравленіе Васъ съ днемъ ангела и пожеланіе Вамъ здоровья и всего лучшаго.

Покорнѣйше просимъ принять отъ насъ скромный имянинный подарокъ, заключенный въ посылаемой при семъ коробкѣ. Вскрывайте ее осторожно, со вниманіемъ, но не бойтесь, въ ней нѣтъ.... бомбъ, впрочемъ, виноватъ, есть бомбы, но особаго рода, предназначенныя для пораженія Вашего сердца... Цѣль—натуральная, но средства не совсѣмъ натуральныя (реальная) и прекрасная (смѣю считать ихъ таковыми) бомбы—существа сказочныя.... Грѣшникъ: я люблю сказки, сказочное, и знаю, что вы грѣшны тѣмъ же... И потому надѣюсь доставить Вамъ удовольствіе тѣми сказочными существами, которыя появятся передъ Вами, выйдя изъ коробки.

Сказка, сказочное, фантастическое—самообманъ... Можетъ быть и я нѣсколько ошибусь въ своемъ ожиданіи—поразить Ваше сердце. Но я былъ пораженъ...

Во всякомъ случаѣ желаю Вамъ всего лучшаго, прекраснаго и въ воображеніи, и въ дѣйствительности, которую Вы, конечно знаете лучше меня...

Душевно преданный весь Вашъ *Е. Рѣдинъ.*

9 мая 1905 г.
Мало-Гончаровская, 30.

Харьковъ 4 іюля 1905 г.

Дорогой Николай Ѳеодоровичъ!

Лѣто щадитъ меня: у насъ жары сносны и бываютъ даже совсѣмъ прохладные дни. Словомъ—работать можно—только хватило бы силъ. И я работаю... Но въ иные дни, особенно подъ вечеръ—чувствую усталость, вялость. И я задаю себѣ вопросъ: усталъ-ли я, или залѣнился. Ложусь тогда спать рано и, о чудо, на утро чувствую лучше: ergo не залѣнился, а усталъ.

Но... долой усталость, работать надо во что бы-то ни стало, ибо работы и впереди много, а тамъ наступятъ опять эти страдные дни—засѣданій, мученій съ долгомъ, и съ другими тяжелыми вопросами. Вся Россія въ движеніи, въ чаяніи лучшаго будущаго.

Мы—представители унив.—это должны чувствовать, испытывать сильнѣе другихъ.

И что-то осень дастъ намъ? И что мы дадимъ ей?

А своя работа также не ждетъ.....

И вотъ въ этой работѣ теперь стараюсь забыть грядущую осень. Но забыть трудно... Въ ушахъ такъ и звучитъ голосъ: ты гражданинъ, ты представитель науки... А наука идетъ и должна идти со знаменемъ прогресса.

— Знаю, знаю, отвѣчаю я этому голосу. Но дай мнѣ силъ сдѣлать все, что отъ меня требуется, дай поддержку въ окружающемъ, въ своихъ сотоварищахъ.

Перестанутъ голоса звучать въ ушахъ моихъ и я спокойнѣе занимаюсь. Но отъ нихъ нѣтъ покоя и во время отдыха, и во время чтенія газетъ, и въ прогулкахъ по лѣсу въ воскресные дни, когда ѣду на отдыхъ къ семьѣ своей... Но работа не ждетъ... И я все-же работаю; и надъ диссерт., и надъ корректурами, и замѣтками.

Надѣюсь, что «Сборникъ» въ іюлѣ окончу.

Завтра пріѣзжаетъ Бабенко, что бы забрать для выставки этногр. манекены; онъ ихъ вернетъ. Извините, что въ виду экстренной надобности въ нихъ—не испросилъ предварительно Вашего разрѣшенія. Но они будутъ цѣлы и вернутся къ Вамъ.

Какъ-то Вы проводите время? Желаю Вамъ здоровья и всего лучшаго, отдыха на лонѣ природы, укрѣпленія.

Душевно преданъ весь Вашъ *Е. Рѣдинъ*.

Глубокоуважаемый Николай Ѳеодоровичъ!

Заинтересованый Вашимъ разсказомъ о мнимомъ мертвецѣ, я дома посмотрѣлъ Декамеронъ и нашелъ, что 1-я же новелла трактуетъ о таковыхъ. Заглавіе ея таково:

Sir Cappelleto con una falsa confessione inganna uno santo frate, e muorsi: et essendo stato un pessimo uomo in vita, in morte è reputato per santo, e chiamato son Ciappalleto (изданіе H. Decameron di messer Giovanni Boccaccio cittadino Fiorentino. Firenze 1824, p. 15 Ac).

О мнимой смерти разсказывается также въ новеллѣ 8-й 3-го дня (p. 111). Любопытная новелла 8—4 дня (146)—дѣвушка приходитъ въ церковь, гдѣ лежитъ мертвымъ ея возлюбленный и сама умираетъ.

О мнимой смерти во 2-й новеллѣ 5-го дня (161).

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью *Е. Рѣдинъ.*

Дорогой Николай Ѳеодоровичъ!

Простите меня грѣшнаго, что я до послѣдняго времени почти *никакихъ* бумагъ, какъ *секретарь* общества, не писалъ. Чувствуя этотъ тяжкій грѣхъ на душѣ своей, покорнѣйше прошу Васъ всякую бумагу требующую отвѣта съ соотвѣтсвующею резолюціей присылать съ Николаемъ мнѣ, равно и не требующую, ибо я завелъ *входящую* и *исходящую* книгу, и ничего въ нихъ самъ не вписываю. *Секретарь!* Званіе—лестное, но по званію нужно и *должную* лямку нести, а посему не «кляните» меня и давайте мнѣ *должную* моему званію работу. Я буду считать за обиду, если таковой работы у меня не будетъ, а вмѣсто меня будутъ исполнять ее Вы или Евгеній Михайловичъ. Итакъ жду работы, работы, работы...

Сердечно преданный весь Вашъ *Е. Рѣдинъ.*